

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

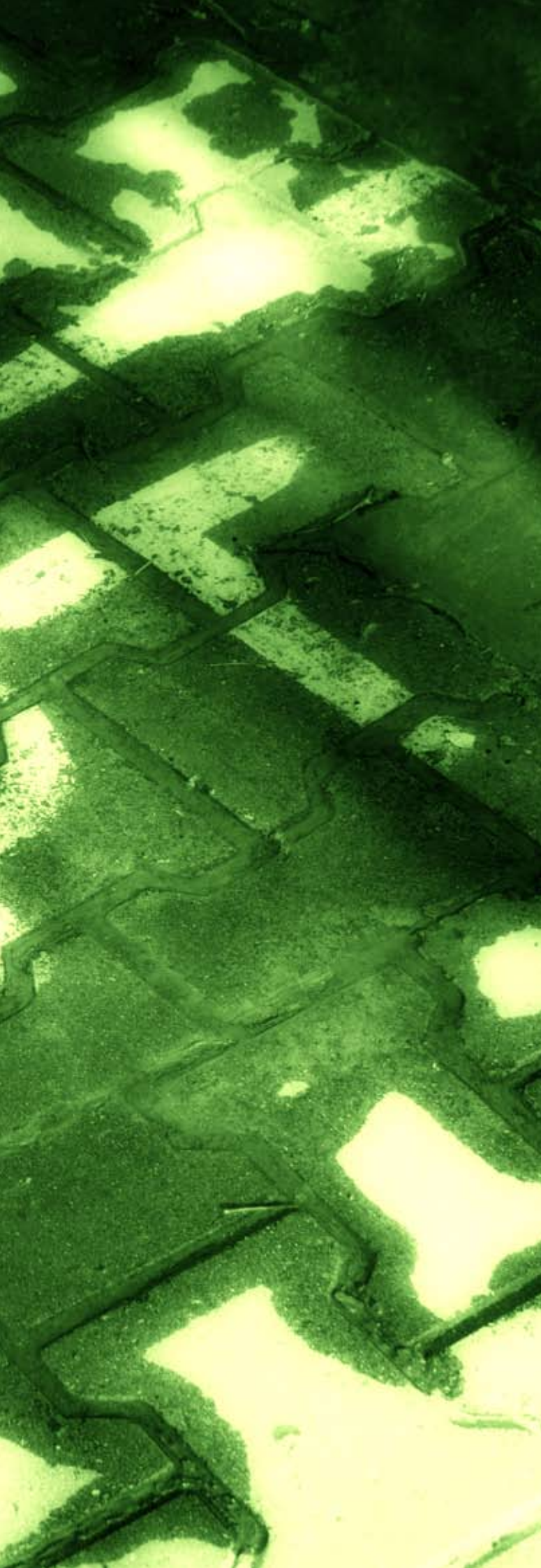
журнал центральноазиатской школы
современной журналистики 2013

- 03** От редакции
- 04** "Корни и ветки современного искусства"
Гульджахон Хамройзода, Гулиза Суванова
- 06** "Неугомонный"
Гульджахон Хамройзода, Сурайе Хонова
- 08** "Велосипедные страсти"
Екатерина Никонович, Зауре Медерханова
- 12** "ЖҮГӨРҮ GO! Кукуруза идет!"
Евгений Погребняк, Гулиза Суванова
- 15** "Шестнадцать тонн..."
Александра Каримова, Екатерина Никонович
- 18** "Эмигрант поневоле"
Абдухафиз Марупов, Латофат Мирзоева
- 20** "Виктор Цой жив!"
Мухаммадозод Сидиков, Богдана Опарина
- 24** "Своя чужая мама"
Мухаммадозод Сидиков, Богдана Опарина
- 27** "Старикам здесь место?"
Илья Каримджанов (повествователь), Александра Каримова (репортер)
- 31** "Рубить дубы нельзя помиловать"
Абдухафиз Марупов, Гулиза Суванова, Александра Каримова
- 34** "Ортосайский рынок и "непонятное" вокруг него"
Латофат Мирзоева, Сурайе Хонова, Гульджахон Хамройзода
- 36** "Театру конец?"
Екатерина Никонович, Богдана Опарина, Алена Хван
- 40** "Нихома – Саламат чалык – Привет?"
Мухаммадозод Сидиков, Зауре Медерханова
- 44** "Чувство страха. Истории женщин"
Сурайе Хонова, Гульджахон Хамройзода
- 46** "Вич-положительный. Жизнь в Бишкеке"
Евгений Погребняк, Алена Хван
- 49** "В тесноте и в обиде"
Зауре Медерханова, Мухаммадозод Сидиков
- 51** "Месяц на шанс"
Сурайе Хонова, Богдана Опарина
- 52** "Бездомные собаки Бишкека – пуля или стерилизация?"
Евгений Погребняк, Гулиза Суванова
- 56** "Это гордое имя KG"
Евгений Погребняк, Илья Каримджанов

ОТ РЕДАКЦИИ:

В час, который называют “между волком и собакой”, тот час, когда на землю спускаются сумерки, когда добрый хозяин не может отличить верную овчарку от волка, они собираются в беседке Академии ОБСЕ. Их черты почти неразличимы. Их голоса звучат уныло. Утром, они готовы были “взорвать” этот город, энергия юности и огонь справедливости горел в их глазах. Они были готовы грудью закрыть бездомных собак, инвалидов, жертв насилия в семье, стариков и бездомных. Где-то после обеда, когда наступало время для интервью с чиновниками, лица всех тринадцати журналистов приобретали выражение глубокой задумчивости, а потом и грусти.

– Какие бездомные собаки? – говорили им в больших кабинетах. – У нас людям жить негде. Какие бомжи? У нас на стариков денег не хватает... Старики? А что вы прикажете делать с детьми-сиротами?

И так далее и тому подобное. В результате выяснялось, что в городе нет денег даже на светофор возле школы.

К вечеру истина как-то размывалась, ускользала вместе с последними лучами солнца. В растерянности они спрашивали: “Какой смысл раскапывать и рассказывать истории, давать простым людям надежду, если ответ всегда будет одним?” Ответ они знали сами: “Потому что журналист должен делать это”. Утром они снова брали в руки видеокамеры и рекордеры, снова шли в город...

10 недель в летней школе журналистики Академии ОБСЕ и Deutsche Welle Akademie 13 журналистов из Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана и Казахстана учились снимать сюжеты, делать репортажи, монтировать радиопрограммы. Они узнавали секреты композиции, повествования, искали ракурсы, героев и истории. Эти истории – простые и глубокие, иногда забавные, а порой страшные – вы найдете в журнале “Настоящее время”.

КОРНИ И ВЕТКИ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

Гульджахон Хамройзода
Гулиза Суванова

27 августа в Кыргызском национальном музее изобразительных искусств открылась выставка современного искусства "От настоящего в будущее". Это результат работы уже третьего "Кочевого лагеря искусств". В этом году он посвящен сохранению горных ландшафтов.

– Ой ийне, нери, о мэй, оглы ... ой, ...кирпиши-шен кирдик!!!

Авангардист из Казахстана Канат Ибрагимов то ли кричит, то ли поет малопонятное сочетание слов: "ежик, иголки и жаба". Параллельно вместе с другими художниками он пишет эту фразу на огромных коробках.

– Короче, вы сейчас видели небольшую работу, посвященную безвозвратно ушедшему от нас великому казахскому художнику Молдакулу Нарымбетову! Он часто любил это приговаривать, – поясняет Канат, бывший политзаключенный, художник-оппозиционер, один из организаторов митингов, приуроченных к годовщине волнений в Жанаозене.

После перформанса с коробками Ибрагимов обещает сегодня не затрагивать политику и не материться. Но... все-таки не сдерживается.

– Безусловно, Кыргызстан находится в авангарде центральноазиатского общественно-политического цивилизационного прогресса! Остальная Азия, к сожалению, пребывает в летаргическом сне, под властью тиранов, всевозможных институциональных видов искусства, которые показали свое рыло в ходе последних событий в Казахстане. Никогда не бывает "сначала экономика и политика" – сначала культура! Только потом все остальное.

Все культурные объекты на выставке задуманы и воплощены на берегу Иссык-Куля художниками из Кыргызстана, Казахстана, Таджикистана и Швейцарии. Вот человек из скотча, вот крутящийся ночной горшок, фотографии странных голых людей, гора из веток и корней. Большая гора – это тонкий намек на коррупцию, объясняет автор работы Аман Талайбеков:

– Взять нашу проблему с золоторудным комплексом Кумтор. Ведь продают наши горы, а народу ничего не достается!

Еще один объект – "Кресло чиновника". На сидении капельки крови.

– Мы покрасили некоторые места в красный цвет, это ассоциируется с агрессией, – говорит архи-

На выставке:
работа Константина Шкурпелы

тектор Арууке Нурали кызы. – Ножки мы сделали из костылей, этим мы хотели показать, что наше управление шатается, болтается. Ленточку повесили, она золотистого цвета, символизирует богатство и власть. То, куда все чиновники стремятся.

Организатор выставки Шаарбек Алыкулов сравнивает традиционное искусство с современным.

– Многие художники сидят в мастерской и, что называется, творят. Они не задают в своем творчестве каких-то социальных вопросов, не бросают вызовов. То есть только эстетика. Современные художники, они больше обращаются к обществу и отражают те проблемы, которые волнуют это общество. Например, языком современного искусства можно донести населению, что нужно беречь окружающую среду, в которой мы живем.

Бардак! Настоящий творческий бардак! Это мастерская Шаарбека. На стенах – 3D фотографии, большие яркие картины, на полу – манекены, макеты Эйфелевой башни. В углу комнаты – фигура человека, сделанного из металлических букв. Раскиданы журналы, пуговицы, ленточки, перья. В центре стоит стол с компьютером – привычное рабочее место современного художника. На нем Шаарбек делает свои видеоинсталляции. В СССР он был академическим керамистом, после распада Союза много ездил и вдохновился contemporary art.

– Пока у нас в Кыргызстане современное искусство только начинается. Я могу сказать, что ни государство, ни бизнесмены его не поддерживают. Наверное, они его просто не понимают. Одна из моих работ, которую я делал в 2002 году, побывала в Женеве и в Италии, потом я выставил ее здесь в Дордой-Плазе. Но в 2005 году во время революции ее просто разбомбили. Сейчас мы работаем с молодежью, потому что она более смелая в искусстве, открытая к новому.

A portrait of Gul'djakhon Hamroyzoda, a man with a mustache and glasses, wearing a traditional Uzbek headscarf (doppa) with a red and green floral pattern and a brown t-shirt with a colorful geometric patterned vest. He is standing with his arms crossed, looking slightly to the side. The background is a dimly lit room with a warm, yellow light source visible behind him.

НЕУГОМОННЫЙ

Гульджахон Хамройзода
Сурайе Хонова

“Я против стереотипов, против нарушения прав женщин и ЛГБТ. Женщина не имеет срока годности, она должна выходить замуж, когда сама захочет, и у любви нет пола, главное – чувства”.

Он сидит напротив нас, на руках часы от “Adidas”, очки “Dolce & Gabbana” и браслет с надписью “Оббо Сумсарбек”. Заказывает апельсиновый лимонад со льдом и пьет его большими шумными глотками.

– “Оббо” – это типа “вау”, – объясняет он.

“Оббо” – это название бренда Сумсарбека Мамиралиева.

Кроме вышеперечисленного, на дизайнера сегодня надеты: соломенная шляпа, необычные штаны ручной работы, где вместо пуговиц использованы простые карандаши, и зеленая майка с надписью “restless” – “неугомонный”.

Ему тридцать два года, два из которых он занимается дизайном одежды. За это время Сумсарбек выпустил шесть коллекций и пару десятков украшений в национальном стиле. Бренд “Оббо” покупают кыргызские депутаты и бизнесмены, дочь писателя Чингиза Айтматова и жена российского телепродюсера Константина Эрнста.

– Я создаю коллекции не для того, чтобы заработать деньги, – утверждает Сумсарбек. – Я делаю их для своего удовольствия. Даже когда мои модели дефилируют, они делают это нестандартным образом, например, танцуют на подиуме. Я против шаблонов и стереотипов. Я никогда не пользуюсь услугами профессиональных моделей, мои модели – разные девушки и даже балерины.

“Помимо того, что я дизайнер, я еще и ярый феминист”

Мы сидим с Сумсарбеком в дорогом кафе в самом центре Бишкека, где перемешаны запах кофе и сигарет, звуки блендера и британского инди-попа.

Свое второе – экономическое образование – юрист Сумсарбек Мамиралиев получил в Кембридже. Вернувшись в Бишкек, затем работал в Агентстве США по международному развитию и в Красном Кресте. Сейчас он продюсирует известную кыргызскую певицу Гульзаду.

Учеба в Великобритании изменила его взгляды на жизнь. На родине он вступил в феминистское

движение Кыргызстана и начал бороться за права женщин и ЛГБТ.

– Мы провели несколько флеш-мобов и акций в поддержку женщин, подвергающихся насилию, мы даже поставили у нас в Бишкеке пьесу “Монологи вагины” [знаменитая американская пьеса, основанная на документальных историях женщин]. Сначала нас не поняли, чиновники начали кричать – это безобразие! – но я им сказал: “Придите Вы хоть один раз, посмотрите”. И потом министр здравоохранения пришел и увидел, с какой болью эти женщины говорили о своих проблемах, и понял, что ничего некорректного в пьесе нет. Я планирую написать и поставить мужскую пьесу-монолог, в поддержку парней и гомосексуалистов.

Он рассказывает о своих взглядах на общество, о том, как его волнуют гендерные вопросы. Заметно, что его переполняют эмоции: он закуривает, машет руками, нервно поправляет очки. Периодически снимает и надевает шляпу.

– Кыргызстан все же посвободнее и демократичнее других стран Центральной Азии, так, например, в 2011 году мы провели гей-парад у нас в Бишкеке, в нем участвовало около 200 человек. О, кстати! Там были парни и девушки со всей Центральной Азии.

Сумсарбек предлагает нам посетить тренинг, на котором обучают людей толерантно относиться к секс-меньшинствам, и снова закуривает, аккуратно выдыхая дым вверх, чтобы не мешать окружающим.

“Я это понял и познал”

– Я тенгрианец, хотя родился в мусульманской семье. Тенгрианство – это не вера, не религия, это то, кем были тюрки до ислама. Для меня это философия жизни. Я всегда задавался вопросом – кто я? Наша семья никогда не была религиозной. В год один раз на Курбан-байрам [праздник жертвоприношения] мама жарила борсоки [национальные кыргызские пирожки]. Съедем, скажем “амин”, и все. Это мусульмане?

Сумсарбек “понял и познал” тенгрианство в 27 лет [тенгрианство – комплекс религиозных воззрений древних монголов и тюрков. Слово образованно от “тенгри” – обожествленного неба]. С тех пор в его жизни многое изменилось. В каждой его коллекции, на каждом платье и блузе – определенный симметричный узор. “Эти узоры в виде оленей, тюльпанов и гор отображают исто-

рию Кыргызстана, – говорит Сумсарбек. – Узор оленя, например, отображает древнюю кыргызскую легенду, где говорится, что кыргызы произошли от матери оленихи”.

– Я помню, когда я ходил в школу в советские времена, мы не могли говорить на кыргызском. Ну как так? Мой отец – политработник, а его дети будут говорить на непонятном языке! Практически все забылось: письменность, язык, корни. Я хочу возродить все утраченное и забытое, национальное.

“Вагон и целая тележка”

Однако сейчас в этом очень европейском кафе Сумсарбек выглядит очень по-европейски, можно сказать, даже скромно для себя. Обычно его стиль более экстравагантный для Центральной Азии.

– Как на тебя реагируют люди?

– Вообще, нормально. Здесь в Бишкеке нормально. Вот однажды в Душанбе выходил из отеля в коротких шортиках, в майке-боксерке и с длинными волосами, собранными на макушке в хвост. Портье говорит: “Эй, парень! Не советую идти так на улицу”. Но я пошел, люди смотрели косо, но сдержались, промолчали.

– Никогда не думал вернуться обратно в Европу?

– Нет, мне здесь нравится, в Кыргызстане ведь непаханое поле! А там за рубежом таких, как я, – вагон и целая тележка.

Все это время на столе перед Сумсарбеком стоял выдавший виды ноут-бук. На самом деле, он пришел в кафе поработать. Над чем? Кто же знает, что придет в голову этому неугомонному...

Фотография была сделана спустя два дня после интервью. На этот раз мы встретили дизайнера в том же кафе, но уже в одежде национального стиля.

ВЕЛОСИПЕДНЫЕ СТРАСТИ

Никонович Екатерина
Медерханова Зауре

“Велосипед в Бишкеке – это тренд!” – говорит депутат городского кенеша Майя Джумакеева. И эта тенденция видна невооруженным взглядом. Специальные велостоянки у крупных универмагов и кафе, бесплатные велосипеды для постояльцев гостиниц, велопрокаты на каждом шагу. Влюбленные парочки, распекающие центр на ярких забавных велотандамах, триальщики, прыгающие по ступеням на площадях. Наш немецкий коллега возвращается из Национального парка Ала-Арча. Говорит, что по горным тропинкам пройти нельзя – велосипедные пробки! В Бишкеке веломарши стали уже традицией, они собирают несколько сотен участников, более чем у 40 тысяч горожан есть велосипеды. Даже мэр “оседлал железного коня”. А теперь еще 15 паломников из Кыргызстана во главе с правозащитником Нуркамылом Саскеевым собираются отправиться на хадж в Мекку на велосипедах. Итак, люди хотят передвигаться на велосипедах, но хочет ли этого ГОРОД?

Центр Бишкека. Филармония. Ступени, подъемы, бордюры, вокруг множество парков, простор. Кажется, идеальное место для человека на велосипеде. Тут и попрыгать и покружиться можно. Раньше здесь действительно было много велосипедистов, теперь мало:

“Отсюда всех выгнали, потому что они якобы мешают культурно приобщаться гражданам, которые приходят что-то посмотреть в филармонии. С другой стороны, им больше негде кататься, все в замешательстве”, – говорит Ярик.

Романтичный Ярик

Группа подростков встречается возле небольшого велопроката на окраине Бишкека. Рядом со входом множество велосипедов. Некоторые лежат на земле – прямо друг на друге. Парни весело переговариваются. Несколько подростков нарезают круги на велобайках. Один из них уверенно встает на заднее колесо. Они встретились здесь, чтобы потом вместе отправиться на стадион и потрюкачить на специально оборудованной трассе за 250 сомов. Говорят, отовсюду их выгоняют, мол, их езда разрушает плиты на площадях. Они постоянно упоминают Ярика. В этих кругах он известный человек.

Велосипед для Ярослава – хобби и жизнь

Ярик – это 24-летний программист Ярослав. Обычно он передвигается по городу на велосипеде. Одет в шорты и синюю майку без рукавов, создает впечатление спортивного человека. Сам Ярослав утверждает, что он скорее велосипедист-любитель.

– Да и велоспорт существует в Бишкеке, что называется, “в кавычках”. Спортсмены – это те, кому деньги платят, – усмехается он.

Хотя Ярослав – лидер Федерации горного велоспорта, он и в городе устраивает веломарши, получая разрешение в мэрии на массовые катания. Последний такой веломарш прошел 1 июня в День защиты детей.

Ярослав активно катается на велосипеде уже 6 лет. Велосипед для него “хобби и жизнь”. И работе

это увлечение только помогает. Говорит, что если клиент – хороший знакомый, то едет к нему на велосипеде. “Тогда не так стыдно за спортивную одежду”, – смеется он. Свои велосипеды Ярослав привез из Казахстана, потому что в Бишкеке он не мог найти подходящие.

Когда мы начинаем обсуждать проблемы, с которыми сталкивается бишкекский велосипедист, Ярослав отмечает, что не хватает парковок, площадок для катания, и сотрудники ГАИ не готовы к появлению на дорогах “популяции” велосипедистов. Их часто загоняют на тротуар, хотя в действительности ездить там тоже опасно из-за пешеходов.

Почему Ярослав, жизнь которого тесно связана с компьютерами, выбрал именно велосипед? Задумавшись на секунду, он с улыбкой объясняет:

Площадь Ала-Тоо пестрит ярко-желтыми велотандемами

“Велосипед дает романтический взгляд на жизнь. Можно поехать полюбоваться закатом, например, с горы. После этого возникает тяга кататься и кататься”.

Ездить хочется, но страшно

В отличие от Ярика, депутат городского кенеша Майя Джумакеева не знает ни марки своего велосипеда, ни сколько у него скоростей. Она просто его любит.

— Я почти 25 лет не сидела на велосипеде. В прошлом году сыну подарили велосипед, он от него отказался. И мне пришлось вспоминать, как это: кататься на велосипеде. Когда ты садишься, преодолеваешь свой страх после такого существенного перерыва, набираешь скорость и едешь. Чувства неописуемые испытываешь: радость, свободу, когда свой страх себе подчиняешь. Я вообще люблю скорость. Есть такое ощущение на велосипеде — ощущение невесомости.

Однако в Бишкеке Майя не может преодолеть страх. Поэтому на площадь Победы, где она катается с сыном каждую неделю, идет пешком, а свой велобайк катит рядом.

— Никто не соблюдает правил. Даже пешеходам страшно передвигаться, не то, что велосипедистам. Я обычно езжу на машине по делам, но с радостью переседаю на велосипед, если дорожная ситуация изменится.

ВелоХичкок + ВелоЛинч = ВелоБишкек?

Мы решаем не отставать от моды и берем два велосипеда на прокат. За час платим по 100 сомов и выдвигаемся на дорогу. Уже через 5 минут мы представляем себя главными героями фильмов Хичкока или Линча. Так страшно. Во-первых,

страшно что-нибудь себе отбить: на тротуарах и на дорогах полно асфальтовых “кочек”, ям, “лежащих”, и при этом абсолютно невидимых, поллицейских. На секунду отвлечешься — рискуешь свалиться в арык. Немногие пешеходы хотят нас пропустить, приходится тормозить и пропускать их. Да и тротуары не приспособлены для велосипедистов. Если идет компания из четырех человек, то проехать уже невозможно. Весь наш путь проходит в судорожном поиске способа проезда и объезда. Это мы еще на дорогу не выехали! Подъезжаем к светофору. Зеленый. Двигаемся. Справа нас буквально давит автомобиль, сигналист. Следом машина собирается поворачивать, водитель выезжает прямо на пешеходный переход, мы пытаемся его объехать, при этом стараясь не задеть другую машину. Расстояние, которое мы в итоге проезжаем, совсем небольшое, пешком прошли бы минут за 10-15, а страха испытали на целый триллер.

Подъезжаем к торговому центру, у которого “кучкуются” 8-10 таксистов. Спрашиваем: “Как вы относитесь к нам, людям на велосипеде?”:

Айбек, 53 года, таксист: “Мешаете вы движению. Конечно, велосипед — это экологически чистый транспорт, но у нас еще рано велосипед на дорогу пускать. Велосипедных дорожек же у нас нет. Я своим детям ноги ломаю, если они на велосипед садятся”.

Курманбек, 40 лет, таксист: “Пусть эти велосипедисты в колхозе катаются. А то вместе с ними на дороге страшно. Они никаких правил не соблюдают”.

Эльбар, 38 лет, водитель: “Велосипедисты мне мешают. Вот пусть Московскую улицу только для велосипедистов сделают! Вот велосипед по аллее едет — там ему и место. Там он, правда, пешеходам мешает”.

Эдиль, 27 лет, водитель маршрутки: “Мне велосипедисты не мешают. Я сам каждый день по вечерам езжу на велосипеде. Потому что работа сидячая: нужно размяться”.

Все таксисты сошлись во мнении, что если число велобайкеров увеличится, то таксовать будет сложнее — клиентов станет меньше. И действительно, те, кто пользуются услугами маршрутки или такси, пересев на велосипед, смогут сэкономить от 500 до 2500 сомов в месяц.

Что же делать, если велосипедисты и автомобилисты так друг другу мешают? Где место для двухколесного транспорта? За ответом отправляемся напрямик к заместителю начальника УДПС ГУВД Бишкека Эрлану Атантаеву.

– Ну не летать же им (смеется). Конечно, по тротуару на велосипеде можно ездить. Только не на огромной скорости. А то некоторые современные велосипеды разгоняются до скорости автомобиля. Таких лихачей, естественно, прогонят с тротуара, а иначе они могут сбить пешехода. По крайней правой стороне автодороги велосипедисту можно ездить лишь днем. Я и сам езджу на велосипеде на базар.

Эрлан Муканович удивляется, когда мы спрашиваем его, почему велосипедистов гоняют с площади у филармонии:

– Приезжают же на горных и спортивных велосипедах, показывают трюки на бордюрах и фонтане. А там дети гуляют и купаются. Они могут пострадать. Плитку и памятники их транспорт тоже может повредить. От автомобилей не такой урон. Автомобили же по фонтанам не ездят! Можно ведь кататься на Старой или Новой площадях. Оттуда никто выгонять не станет.

О том, как же все-таки ездить по дорогам, на которых будто не существуют правил движения, Эрлан Атантаев ничего не говорит: мол, надо быть осмотрительными и ответственными, ведь в этом году было 9 наездов на велосипедистов, где 12 человек травмированы.

Как нам помогут депутаты на велосипедах?

Эльвира Сариева – депутат Бишкекского городского кенеша – также озадачена увеличивающимся количеством аварий с велосипедистами. Но не только поэтому она предложила развивать в городе инфраструктуру для велосипедистов. Многие западные эксперты, которые приезжают в Бишкек, предрекают транспортный коллапс через 10-15 лет. Да и по статистике 5% горожан – велосипедисты.

Группа инициаторов вместе с Федерацией велосипедистов разработали три варианта велодорожек:

- Туристический маршрут, вокруг Старой и Новой площади столицы. Там находится больше всего исторических объектов.
- Вторым на очереди стоит маршрут, ведущий в горы.

- Третьим – маршруты-артерии внутри города для тех, кто желает добираться на работу на велосипеде. Но этот проект оставлен на потом, потому что для него нужно будет менять дорожную систему города.

По возможности Эльвира тоже катается на велосипеде. Но своих троих детей она отвозит в школу и забирает оттуда на машине.

– Мой муж пятиборец, спортсмен, моряк и велосипедист, благодаря ему, я больше хожу пешком и езджу на велосипеде. Да и в детстве в школу на велике ездила.

Другая наша героиня, депутат городского кенеша Майя Джумакеева, тоже состоит в группе инициаторов.

– Инициатива Эльвиры своевременная, вскоре, надеюсь, реализуется. Самое главное, в головах у людей что-то “чикнуло”.

Что “чикнуло” у нас

После нашей захватывающей прогулки на велосипедах мы поняли, что без защитной экипировки в город лучше не выезжать. И на безопасности не стоит экономить. Как предупреждал нас Ярослав, хороший шлем стоит минимум 1000 сомов. “Чем дороже шлем, тем он легче”, – добавляет он. А то, что некоторые покупают на рынке за 100 сомов, трудно назвать шлемом – его можно пальцем проткнуть. В целом, экипировка может обойтись в 500 долларов.

ЖҮГӨРҮ GO! КУКУРУЗА ИДЕТ!

Евгений Погребняк
Гулиза Суванова

После закрытия в 2012 году казино и залов игровых автоматов у жителей Кыргызстана все еще остается шанс легально испытать азарт и проверить свою удачу. Бинго-лото – казино для бедных или просто развлечение?

Жарким летним вечером мы стоим на Ошском рынке Бишкека напротив двухэтажного здания, похожего на заброшенный склад. Из установленного у входа громкоговорителя мужской голос на кыргызском объявляет: “72, 25, 10 ровно, 57”.

– У вас играют в лото? – спрашиваем у парня в грязной футболке. Он рукой показывает на узкий лестничный спуск. С каждым нашим шагом вниз цифры звучат все отчетливей. Мы видим темный зал, заставленный столами и скамейками. Табачный дым ест глаза, трудно дышать. Ведущий, которого в шутку называют “банкиром”, достает из мешочка маленькие бочонки с цифрами и зачитывает их в микрофон. Остальные 20 с лишним человек заполняют карточки. Суть в том, чтобы объявленные цифры и цифры на карточке совпали.

Пока мы пробираемся к дальнему столу, присутствующие с удивлением смотрят на нас – парня в рубашке и девушку в ярком длинном платье. Все игроки здесь одеты в футболки и спортивные штаны. Кто все эти люди?

Считается, что бинго – игра пожилых женщин. В СССР в лото играли долгими зимними вечерами. Это была семейная игра, где ставками служили в основном однокопеечные монеты. Сегодня бинго становится популярной среди людей разных возрастов. Сама же игра родилась в итальянском городе Генуе, а ее современный вариант возник в США во время Великой депрессии, где переселенцы из Италии пользовались бобами, чтобы закрывать нужные цифры. “Beep go! Боб идет!” кричали они в момент выигрыша. Отсюда и пошло название игры.

В бинго-зале на Ошском рынке 14 столов, на каждом кучами высыпаны зерна кукурузы, они заменяют фишки и жетоны.

Партия длится минут 7-10. Одна карточка стоит 5 сомов. Обычно разом берут по 4-6 карточек. То же самое делаем и мы. Играем. Потом покупаем еще, потом снова и снова. Промежуток между

партиями меньше минуты. Думать некогда, есть только ожидание следующей цифры, и даже табачный дым уже не мешает. В конце концов, потратив 200 сомов, без единого выигрыша выходим расстроенные, а ведь еще две совпавшие цифры и главный приз – вентилятор – был бы наш! Хотя зачем нам вентилятор?

“Азарт – особый вид наркотиков”

Так говорит уже бывший игрок, полгода назад завязавший с азартными играми. Данияру 26 лет, и он совсем не похож на парней, которых мы встретили в “Бинго-лото”. Ухоженные руки, модная одежда, ослепительно-белая футболка и бейсболка – вид такой, как будто он только вышел из прачечной.

– Когда ты начал играть?

– Это было в 8 классе. Меня друг пригласил пойти с ним, а его самого старший брат втянул. Ну а дальше пошло-поехало. Мне вначале казалось, что это просто увлечение, что я так просто убиваю свое время в этих местах. Не думал, что это все может затянуться настолько, я 12 лет непрерывно играл, – равнодушно говорит Данияр, но почему-то постоянно теребит в руках свой сотовый.

– Где ты брал деньги на игры?

– В школьном возрасте мы не располагали крупными суммами, мы обманывали родителей, в школе “напрягали” одноклассников, вымогали у них деньги. Дома давали деньги, например, на курсы английского языка, но вместо этого мы шли в игровые клубы и все оставляли там. Конечно, были времена, когда мы и выигрывали хорошо, но в основном проигрывали. Бывало, тащил вещи из дома, ну это, наверное, все игроманы так делают. Потом проигрывал все буквально за полчаса, за час. Вот это было самое неприятное.

– А во что ты играл?

– Сначала это были клубы с игровыми автоматами. Помню их названия – “Винджамер”, скажем, был популярен. Потом перешел на более серьезные вещи – рулетка и покер. Много играл онлайн через интернет со всем миром: с Америкой, Россией, другими странами. Но сейчас я ни во что не играю, мне религия не позволяет, – неожиданно называет он причину, которая заставила сказать его “стоп”.

– Тебя религия остановила?

– Да, я начал полтора года назад посещать мечеть, но я все еще продолжал играть. Когда я стал

серьезно познавать религию, где говорилось, что азартные игры – это грех, я стал серьезно задумываться.

– Но играл...

– Да. Наконец, полгода назад я продал свой бизнес за 10 000 долларов, и все деньги проиграл за две недели. Тогда понял, что я на самом дне. Потом просто взял и бросил играть в один миг, – немного противоречиво заявил уже бывший бизнесмен.

В конце концов, нам трудно понять, какое же из обстоятельств стало определяющим в решении Данияра. Скорее всего, это целый комплекс причин.

– В один миг, взял и бросил, – повторяет он с гордостью. – Я не могу просто сказать людям: “Перестаньте играть, и у вас все будет хорошо”. Это их не остановит. Им просто нужно понимать, что им будет все хуже и хуже, и, в конце концов, они останутся у разбитого корыта. Эта игровая система давно проверена, в выигрыше всегда остается только казино.

– На Ошском рынке популярна игра бинго-лото, ты играл в нее раньше?

– Нет, не играл, но знаю, что есть несколько точек в городе. Хотя эта игра не запрещена, она тоже затягивает, это та же самая азартная игра, в которую можно втянуться.

Снова на Ошском...

Разобраться со статусом бинго-лото непросто, она имеет черты и азартной игры и обычной лотереи. На Западе в нее играют даже в церквях, потому что игра способствует общению между людьми, а часть выигрыша идет на благотворительность. Можно ли применить это к Ошскому рынку?

Здесь работают четыре клуба “Бинго-Лото”, где за одну игру можно выиграть от 15 до 1000 сомов. Сумма выигрыша зависит от продажи карточек: чем больше игроков, тем выше выигрыш. Клубы открываются ранним утром и закрываются в полночь. “Час пик” приходится на вечер – столы не хватает, и тогда люди готовы стоять, чтобы играть.

Грузчик Азат не хочет говорить о том, сколько денег он тут оставил. “Жена узнает, убьет, – смеется он. – Хотя она, наверное, знает. Однажды я выиграл 600 сомов и купил вкусной еды для нее и детей. И друзей на рынке угостил. Когда я проигрываю, я думаю – ну, ничего нового, тако-

ва моя жизнь. Когда выигрываю, жду, что судьба мне улыбнется не только в игре. И знаете, в этом зале я забываю о проблемах, и я все-таки немного ставлю”.

Работник заведения Каныбек, тот который объявляет по микрофону цифры, разыгрывает “Бинго” второй год. За это время он научился определять, кто с какой суммой и целью приходит играть.

– Сюда в основном приходят люди, которые, так или иначе, работают на рынке. Почти все мужчины, женщины заглядывают изредка. Возрастных ограничений нет. Бывает, школьники и старики играют. Часто приходят просто время убить, здесь в принципе много не возьмешь. Но есть и те, которые пришли за выигрышем, их немного.

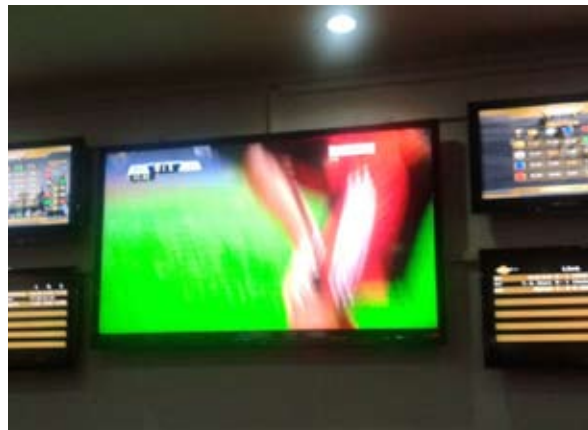
– А как вы их определяете?

– Они приходят, когда зал почти заполнен игроками. Покупают сразу по 9-10 карточек, причем выбирают их, чтобы цифры были более-менее не похожи. Выигрывают и уходят. А те, которые пришли время убивать, играют до поздней ночи.

Через дорогу от рынка находится шикарный бинго-клуб. Большие светлые залы, столы, покрытые чистым зеленым сукном, и рекламный многообещающий баннер: “Выигрыш – 300 000!”. Администратор уверяет, что такие счастливицы были. Почему на наших лицах скептические улыбки? Не потому ли, что даже скромные “рыночные” суперпризы – электрический чайник и вентилятор – оказались для нас недостижимы? А ведь старое правило игроков гласит: “Новичкам везет”. Мы решаем попробовать еще раз, но в другом месте и в другой игре.

Букмекерские конторы

Еще одна легальная возможность игры “на деньги” – букмекерские клубы. Таких в Бишкеке множество.

...Яркий фасад, на электроном табло над входом – расписание спортивных соревнований. Внутри – барная стойка, комфортные диваны для VIP-персон, кабинки, в которых делают ставки и получают выигрыш. На стене с десятком плазменных экранов с прямыми трансляциями.

Начинается футбольный матч “Урал” – ЦСКА. Мы подходим к кассе и ставим 200 сомов на победу ЦСКА. Рядом с нами присаживается парень лет 20, в руках у него такой же чек, как и у нас, только на 1000 сомов.

– На кого поставил?

– На победу ЦСКА в первом тайме, – отвечает он. Его зовут Сагынбек, и, судя по количеству выкуренных за полчаса сигарет, он изрядно нервничает.

– Почему ты так часто играешь?

– Не знаю, просто нравится мне, – простодушно говорит он.

– Вот ты, допустим, в течение одного месяца постоянно делаешь ставки, в конце остаешься в плюсе или минусе?

– В минусе остаюсь, конечно, – на его лице кислая улыбка. Но вот первый тайм футбольного матча заканчивается победой ЦСКА, и радостный Сагынбек идет в кассу за выигрышем и потом сразу в бар за кружкой пива.

Еще через 45 минут матч заканчивается боевой ничьей, и мы бредем к выходу, раздосадованные своим невезением.

Оставшиеся игроки, среди которых Сагынбек, и не думают покидать заведение, несмотря на наступившую ночь...

"ШЕСТНАДЦАТЬ ТОНН, УМРИ, НО ДАЙ! ВСЮ ЖИЗНЬ РАБОТАЙ, ВСЮ ЖИЗНЬ СТРАДАЙ"

Александра Каримова
Екатерина Никонович

– Чоната, чонэне, кандай, – говорит итальянец Вальтер. Это единственные слова на киргизском, которые он знает. А родившаяся в Кыргызстане Гуля выучила в совершенстве за 3,5 года корейский и научилась многому другому в Корее. Оба привезли в страну свои знания и делятся ими с окружающими.

Часть 1. В неизвестность

Бишкек. Раннее утро. Аэропорт. Загорелый альпинист. Большой рюкзак за плечами. Иностранец. На его пути Бишкек, скорее всего, одна из многих горных стран, вершины которых он покорял. Сейчас он, удовлетворив высотные страсти, возвращается на свою американскую, а может, европейскую родину. А может, едет дальше, путешествовать и видеть.

Совсем рядом собираются люди, которые тоже покидают теплый край. Но только уезжают они из безденежной родины в надежде заработать на холодной земле небольшие, но все же деньги. Кто-то задумал жениться, а денег на свадьбу нет, кому-то надо вернуть долг за недавно купленный дом, где-то в далеком кишлаке, а кому-то просто необходимо кормить большую семью. Рейс то ли в Москву, то ли Самару, а быть может, Екатеринбург.

Один из многих, кого провожают. Молодой парень с растерянным взглядом стоит у большой сумки. Редко здесь встретишь чемодан. Большие темные сумки. Вокруг суматошные родственники. Немолодая мама, которая чуть не плачет, суровый отец, который в самый последний момент обнимет и что-то растерянно скажет, совсем молоденькая жена с совсем маленьким ребенком. И молодой парень. Может, он едет в первый раз на заработки, а может, поездка не первая. Кем он будет в незнакомом городе: работать на стройке, делать ремонт, подметать дворы, возить тележки с мусором на рынке? Пожалуй, он и сам сейчас не знает.

Часть 2. Прекрасная Италия. Тюрьма в Бишкеке

Маленькая кухня просторного итальянского ресторана. Упитанный мужчина в самом расцвете сил мастерски точит ножи, режет мясо и овощи.

– Я 11-й ребенок в семье, самый младший, – говорит с забавным акцентом, а иногда и с примесью итальянских слов мужчина, – Вальтер – самый маленький.

В шутку он часто говорит о себе в 3-ем лице. "У меня странное имя, – смеется он, – у мамы не было фантазии". Вальтер – шеф-повар ресторана "Bella Italia". Сейчас он готовит нам какое-то блюдо по собственному рецепту.

– Это креветки, кабачки, чтобы вы сейчас попробовали. Это итальянское блюдо. У хорошего повара должна быть хорошая фантазия. Иначе можно поваром работать в гостинице только.

Как опытный дирижер, Вальтер руководит другими поварами, переходит от одного стола к другому. Действия его уверенны. Не вызывает сомнения, что для него эта обстановка привычна. И как пианист, он отыгрывает каждую ноту рецепта без колебаний, не подсматривая ни в какую тетрадь. Музыка готовки заканчивается фортецией. Вальтер выкладывает блюдо в тарелки и ведет нас в зал. Там уже все в духе пиано, тихо.

На кухне Вальтер чувствовал себя как рыба в воде, здесь же он притихает. Он часто убегает от нас в святую святых ресторана. Возвращается и продолжает разговор. Говорит о том, почему уехал из Италии.

– В Италии очень много проблем, кризис. Туристов становится меньше каждый год. Италия сейчас нехорошая. Не хочу работать в Италии.

Он приехал в Бишкек 10 лет назад. До этого работал в Лондоне и Казахстане. Но нигде надолго не задерживался. После работы в Кыргызстане планирует вернуться в Англию, заодно и подучить английский. Кажется, языки даются ему нелегко. Из киргизского знает лишь три слова. Его русский, говорит, тоже “плохой”.

– Выходных нет. Работа, одна работа. Работа – это как тюрьма. За 10 лет я не видел ничего. Однажды полдня был на Иссык-Куле, на 2 дня поехал в Джалал-Абад, потому что там был банкет. И 3-4 раза ездил в Нарын, тоже на банкет. Отдыхаю в Италии. И там бываю только раз в год.

По Бишкеку он не гуляет. Если что-то и говорит о городе, то все связано с работой.

– Бишкек нормальный. Это моя работа, трудная работа. Италия, Европа, Бишкек, Лондон – везде одинаково. С утра до вечера – работа каждый день. Но в Бишкеке много проблем. Многие рецепты не могу приготовить, потому что недостаточно продуктов. В Италии много продуктов, можно придумывать новые блюда, фантазировать и экспериментировать, там с этим легче.... А в Бишкеке не могу. Розмарин, зеленый базилик – они необходимы. Но все это очень дорого. Салат айсберг – 25 евро за килограмм. А в Италии тунец, итальянская ветчина – 6 евро за килограмм.

Вальтер закуривает сигару и уходит на кухню.

Часть 3. Слабая сильная женщина

– Кстати, у нас крыша из космоса видна. Знаете, фольга... она блестит. В интернете мне показали, – с гордостью рассказывает Гуля о крыше, которая служит ее дому уже 7 лет.

Маленькая хрупкая женщина. Она немолода, стройна и, кажется, что любой наряд будет выглядеть на ней хорошо. Тонкие сухие руки. Уставший взгляд.

– Я была сиротой, и у меня не было возможности учиться. Потом поступила в училище на прядильщицу, затем меня решили выдать замуж в Таласе. Тогда мне было неполных 17 лет, а в 18 у меня родилась уже старшая дочь. Но муж был нехороший, бил меня с двумя детьми. Мне помогла знакомая сбежать от него. Ох, у меня история жизни, ой..., – тяжело вздыхает Гуля.

Сбежав от мужа, она оказалась в Целинограде (нынешняя Астана). Только тогда, по ее словам, она начала жить. Вернее, еще больше работать.

1,5 года работала на керамическом заводе, потом работала крановщицей, одновременно заканчивала вечернюю школу, училась в школе мастеров. Потом она 19 лет работала на заводе. Пока не попала под сокращение с развалом СССР. Челночила, занималась коммерцией. Развод. В то время, как говорит Гуля, было плохо на душе и хотелось что-то поменять. Так она оказалась в Южной Корее.

– Когда только приехала, меня устроили собирать одноразовые шприцы. Инсулиновые. Их очень тяжело собирать. Там не как у нас 8 часов работают, а 16, 17 часов в сутки. Было время, когда заболели наши люди и не выходили на работу, и тогда мне приходилось работать полтора суток без сна. Зато зарплата была хорошая. Потом выучила язык и работала в гостинице. Там чище и зарплата больше. Язык – главное.

В Корее Гуля впервые увидела другую – цивилизованную жизнь. Когда только летела в страну, она представляла ее себе каменной, серой, а, выйдя из самолета, увидела удивительную чистую зеленую страну с деревьями даже на холмах. Гулю удивляло, что водители работают в белых перчатках и фуражках. А однажды с ней случился комический случай, который она запомнила на всю жизнь.

– Я шла по улице, в руках была свернутая этикетка от жвачки. Иду, а урны нигде нет. Я случайно и выронила бумажку. Так ко мне буквально через 5 минут подъезжает полицейская машина, показывает записку, на которой я выкинула обертку и штрафует на 100 долларов. Тогда для меня это были большие деньги, я только начинала зарабатывать. Как же мне было стыдно. Я запомнила этот случай. Это был хороший урок. И сейчас, когда нет урны рядом, я лучше оставлю мусор в сумке и дома выброшу, чем выброшу где-то на улице.

В Корее Гуля впервые узнала о системе кондоминиума. И приехав обратно в Бишкек, решила применить это и в своем дворе.

Кондоминиум – (лат. *con* – вместе и *dominium* – владение) – совместное владение, обладание единым объектом, чаще всего домом, но также и другим недвижимым имуществом.

В 2006 Гуля организовала ТСЖ (Товарищество собственников жилья), начала обустривать дом, двор украсила покрывками от машин, посадила деревья и цветы. Год от года двор становился все лучше, появились асфальтированные дорожки, беседка и место, где можно готовить плов. К Гуле стали приходить за советом жильцы из

других дворов. Одно время она даже проводила семинары.

— В доме есть 10% квартир, с которыми я не в ладах. Я же требую по закону действовать. Даже был конфликт, сказала, что не буду больше заниматься домом, говорю: ищите другого. А они отказались. Они ведь думали, что я что-то имею с этого, а ведь ничего для себя не прошу, все для дома.

Сегодня двор и дом Гули заметно отличается от других. Аккуратные дорожки, много деревьев и цветов, яркие скамейки, стенд "Наш двор — наша семья", чистые подъезды и много довольных котов, гуляющих по двору. Также Гуля проявила житейскую мудрость и немного хитрости и договорилась со стройкой, которая развернулась вблизи с домом. Теперь за счет застройщика брусчаткой выкладывают аллеи, переделывают беседки и планируют оградить детскую площадку.

— Многим бы съездить за границу. Я вот своих детей отпускаю. Многие не пускают, а я — наоборот. Здесь тяжело выжить. Акиму говорю, что надо рекламировать такие ТСЖ, как наше. Приглашала его на день рождения дома. Вдруг кто-то посмотрит и тоже так сделает. А он к нам равнодушен. Хрупкая сильная женщина лихо забирается на садовую стремянку, чтобы поправить цветы, а заодно и флаг, который сегодня горделиво не развивается в их дворе. Просто нет ветра.

ЭМИГРАНТ ПОНЕВОЛЕ

Абдухафиз Марупов
Латофат Мирзоева

фотография с <http://foto.mail.ru/mail/uchurkg/37/s-44.jpg&w=2544&h=1696&ei=b0F4Uo6mH6jр>

24 августа в Кыргызском национальном академическом драматическом театре прошла премьера спектакля "Эмигранты" в постановке таджикского режиссера Барзу Абдураззокова. За полгода, которые Барзу живет в Кыргызстане, его признали режиссером года. Всего же Абдураззоков поставил 48 спектаклей за рубежом. А в Душанбе у режиссера фактически "запрет на профессию".

– Вы были на премьере спектакля? Сильное впечатление производит! Барзу просто гений! – известный таджикский журналист Марат Мамадшоев взмахивает руками. – Но в Таджикистане сейчас идет охота на всех, у кого есть интеллект, кто имеет независимое мышление, кто имеет какой-то багаж знаний, их репрессируют.

В Душанбе спектакль "Эмигранты" был запрещен сразу после премьеры. И это не единственный случай, говорит Марат Мамадшоев.

– Барзу всегда делал резонансные постановки, ажиотаж был вокруг них, люди приходили в театр. Помните этот случай со спектаклем "Безумие. Год 93"? Это показательный пример. Там вообще слова "Таджикистан" не звучало. В этой пьесе люди в психиатрической больнице обсуждают французскую революцию и кто воспользовался

ее плодами. Это Франция, это психиатрическая больница. Но искусство – оно интернациональное, поэтому многие вещи были созвучны нашим настроениям, хотя аналогии прямой не было. Этот спектакль начали прессинговать, цензурировать. Барзу постоянно в чем-то обвиняли, – говорит М. Мамадшоев.

2013. Бишкек

Спустя три дня после премьеры идем домой к режиссеру. Он живет рядом с парком Панфилова, в самом центре Бишкека. Не успели войти в подъезд, как услышали родное "Ассаломуалейкум! Хушомадед!" (Здравствуйте! Добро пожаловать!). Это нас встречает Шоира, жена Барзу. Он выходит к нам, немного уставший, с синяками под глазами – завтра у него рейс в Душанбе. Там его ждет безработица и неопределенность.

– В октябре я опять вернусь в Бишкек и, наверное, опять надолго. Посмотрим, что будет. Видимо, судьба наша такая.

Барзу Абдураззоков доволен премьерой спектакля в Бишкеке.

– Это история о двух мигрантах. Один из них политический, другой – просто гастарбайтер. Это

трагедия двух, история страны в этих двух людях. Это вечная история интеллигента и идиота. В общем-то, я говорю о своей боли через кыргызскую трагедию.

Многие люди, даже родственники, советуют режиссеру не вмешиваться в политику, не делать политических заявлений, возможно, тогда он был бы более желанной персоной на родине, была бы работа в театре. У Барзу на этот счет свое мнение.

– Театр тесно связан с политикой. Ты не можешь быть изолированным. Никак. Потому что все – твоя боль, боль твоих артистов – она втекает в театр. Ты не можешь быть отвлеченным. Никак не можешь. Это глупо. Режиссер автоматически становится политиком, ибо он ставит вопросы общества! У меня в зале бывает по 400 человек, и я с ними общаюсь. Я не клоун, я не развлекаю их, я через развлечения говорю о каких-то насущных проблемах, то, что во мне кипит, то, что кипит в обществе.

По-вашему эта боль, эти идеи, которые Вы хотите донести, это доходит до “нужных ушей”?

– Доходит – не доходит, не в этом дело. Важно говорить. Очень важно не стоять на месте. Ползком даже, если ты не идешь, не стоишь на ногах, идти вперед. Доводить мысль. Мое дело говорить, а не молчать.

Нервы не выдерживают

Журналист Марат Мамадшоев устал “доводить” мысль в Таджикистане. В течение многих лет он был главным редактором популярной газеты “Азия плюс”. Уже два года он живет и работает в Бишкеке.

– Моя нервная система уже не выдержала, честно говоря. Особенно выслушивать жалобы простых людей, это просто ужас был. К нам в газету, например, приехал один человек с Пенджикента (север Таджикистана), его надо было видеть. Это был совершенно нищий человек, и у него отобрали квартиру. Я уверен, что жилище было плохое, жалкое, но даже это отобрали. Не пожалели. Таких примеров очень много. Людей обманывают, и ты не знаешь, как пробить эту стену, потому что это целая система коррупции.

Журналист считает, что исход интеллигенции из Таджикистана – это тенденция. Правда, самого Марата никто не выгонял, он уехал сам.

– Мне было просто психологически тяжело. Кыргызстан сейчас среди всех стран центральной Азии

Барзу Абдураззоков

– самая свободная страна. Я когда не слышу новости про Таджикистан, очень спокоен, мне очень хорошо. Но когда я начинаю читать, я начинаю все это вспоминать и начинаю ужасно нервничать.

Но, конечно, если Барзу навсегда останется в Бишкеке, это будет большой удар для таджикской культуры. Я мало видел интеллигентов, которые могли так смело говорить о проблемах. Барзу – один из немногих.

Мне больно

Между тем, сразу после нашей встречи с режиссером, Барзу Абдураззоков отправился на встречу с министром культуры Кыргызстана, где ему предложили остаться жить и работать в Бишкеке. Пока Барзу не дает ответа. Точно известно одно – к юбилею великого Чингиза Айтматова он поставит в кыргызском театре спектакль “Пегий пес, бегущий краем моря”.

– Я тут нужен, а Таджикистану, получается, нет, – говорит режиссер. – Я не знаю, по каким параметрам власти Таджикистана зачислили меня во враги народа... и видимо... я не знаю.... Не знаю, как об этом сказать... Мне больно.

ВИКТОР ЦОЙ ЖИВ!

Мухаммадозод Сидиков
Богдана Опарина

Виктор встречает нас широкой улыбкой. Красная бандана на голове, руки вымазаны краской. Позади него на стене салона красоты – портрет женщины. Это очень реалистичное, выполненное в серо-черных тонах граффити. Лишь волосы девушки ярко-красные. Кажется, что портрет выступает из стены. Сложно найти цвета для 3D-граффити, а серый цвет как нельзя лучше передает объем.

– Я люблю рисовать, поэтому и рисую. А граффити – это как средство. Кто-то рисует карандашами, маслом, акварелью – я рисую граффити. Последнее время я стал развивать стиль “фото-реал” и “3D”, который можно определить именно как живопись в граффити.

Виктору чуть за 30. И он действительно полный тезка рок-барда Виктора Цоя. Это ему не помогает и не мешает. Он считает, что современная молодежь уже толком и не знает, кто такой был этот Виктор Цой: “А мне это на руку – будет меньше глупых вопросов”.

Мама и Папа

Виктор берет в руки баллончик с краской и объясняет нам, что баллончики могут быть “папами” и “мамами”. Они различаются по размеру клапана. На один рисунок может уйти до 200 баллончиков.

– Однажды после школы я вернулся домой и по телевизору случайно увидел сюжет о событиях за рубежом. Там мелькнула пара кадров с изображением больших и ярких рисунков на стене. Эти пару секунд изменили мою жизнь, тогда я еще не знал, что это называется “граффити”.

Талант у Виктор от отца, тот тоже был художником, а первый баллончик ему подарила мама. Это было в сложные 90-е годы. В то время стоимость баллончика составляла половину ее зарплаты.

– Тогда все, что было связано с граффити, считалось хулиганством. А для оттачивания мастерства нужна спокойная обстановка, которой не хватало городским бомберам того времени. И поэтому мой самый первый рисунок был нарисован в моей комнате.

Его первая масштабная коммерческая работа – автокинотеатр “Драйв”, который находится в селе Беш-Кунгей за плотиной. Там он с приятелем разрисовал стену длиной более 50-ти метров. Весь процесс, начиная с разработки эскизов и заканчивая нанесением рисунков, занял более 2-х месяцев.

Райтеры и Бомберы

– Я раньше считал себя бомбером, но через несколько лет я понял, что всегда был и оставался райтером, – с иронией говорит Цой. – Главный посыл в моих работах – позитив.

Тут надо понимать разницу. Райтеры предпочитают рисовать легально, они тщательно задумывают и прорисовывают свои картины. Иногда на создание изображения уходит несколько дней, а то и месяцев. У бомберов более радикальный подход. Они, наоборот, любят создавать нелегальное граффити – нанести рисунок в таком месте, где его увидят как можно больше людей. Бомберы рисуют фактически круглый год, они предпочитают скорость и экстремальность.

Итак, Виктор – вполне легальный райтер.

– Но граффити – это уличное искусство, разве это не предполагает андеграунд, протест?

– Если сказать, что меня в этом мире ничего не бесит, это будет откровенной ложью, но я стараюсь смотреть на этот мир по-философски, потому что, выливая ушат помоев в уши собеседника, вы не только не прибавите ему лет жизни, вы просто настроите человека на негатив, а это не моя цель по жизни. Протест – для малолетних конъюнктурщиков или политических граффитистов. Все, что меня бесит, остается у меня в душе, оседает в печени или выводится из организма естественным путем.

Выбор рисунка

Последний штрих на портрете девушки для салона красоты – никнейм автора. Виктор собирает баллончики. На все про все ушло 5 часов.

– Граффити – самый простой и быстрый вид искусства, – объясняет Цой. – Например, один из основоположников субкультуры Нью-Йорка граффитист TAKI 183 писал свое имя и номер своей улицы абсолютно везде. Его подпись успела появиться на станциях метро, внутри и снаружи поездов, на стенах вдоль Бродвея, Нью-Джерси и других местах. Ведь для того, чтобы написать на стене свой никнейм, много времени не надо. Многие начинают заниматься граффити, потому что это простейший способ быть услышанным, ничего не говоря, быть известным, но оставаться для многих невидимым.

Сам Виктор предпочитает объемные стилизованные шрифты. Он научился их рисовать в Германии, когда первый раз попал туда, собирая ма-

териал для своей дипломной работы "Граффити как феномен в культуре Германии".

Школа граффити и хлеб с маслом

С тех пор прошло 11 лет, и теперь Виктор сам обучает молодежь искусству граффити. Все это называется "Basicolors", и это творческий социальный проект, который включает турниры и фестивали для начинающих граффитистов. 1-го июня он со своими друзьями разрисовал стены детского дома под Бишкеком.

– В своих некоммерческих работах я пытаюсь добавить немного позитива в жизнь простого обывателя, что иногда воспринимается зрителем как некая критика общества. Почему бы и нет, но сильно критиковать наше общество я бы не стал по одной тривиальной причине – нулевого уровня культуры у большинства населения. Если раньше – лет эдак 7-8 назад мои друзья из Европы часто подмечали улыбку нашего люда, то сейчас зачастую на улицах мы видим только гримасы. Хочется, чтобы люди снова научились хотя бы улыбаться, от этого их жизнь точно изменится к лучшему. Испытано на себе.

Творческая инициатива существует за счет грантов и коммерческих работ.

– На граффити можно заработать не только на хлеб, но и на хлеб с маслом! В нашем городе постепенно меняют взгляд на рекламу и маркетинг, потому что за небольшую стоимость можно получить полномасштабный рекламный стенд.

Квадрат Малевича – это не мое!

Когда у Виктора заканчивается вдохновение, он не притрагивается к краскам недели, а то и месяцы, чтобы не рисовать что попало...

– Я уверен, что "Черный квадрат" Малевича – это не мое! – заявляет он. – У многих творческих людей случается кризис. "Черный квадрат", по-моему мнению, был творческим кризисом Казимира Малевича! Ему надо было просто отдохнуть.

Виктор убирает в коробку краски, но в этот раз, похоже, не надолго. Только за последние 2 недели он закончил 2 проекта. А значит, Виктор Цой жив!

СВОЯ ЧУЖАЯ МАМА

Мухаммадозод Сидиков
Богдана Опарина

“Выпускники детских домов Кыргызстана становятся бомжами”, – говорит правозащитник Игорь Беляев. Несмотря на то, что в стране действует 117 детских домов, социальной адаптации детей в них не происходит. Существует ли альтернатива, где ребенок может получить социальную помощь?

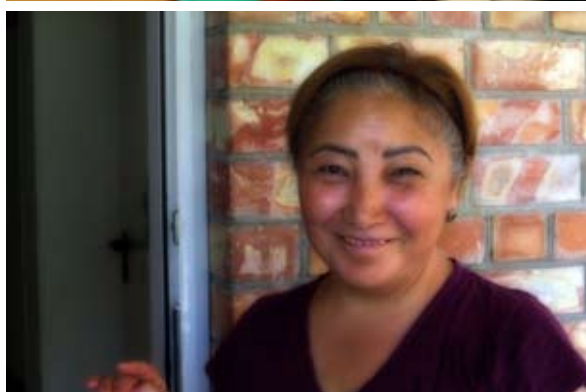
Полупансион

– На будущее, можно сказать, грандиозные планы. Свой ресторан хочется открыть, свой отель даже, – рассказывает двадцатилетний повар Чоро, выпускник Детской деревни и Молодежного дома SOS.

Обычно SOS – аббревиатура сигнала бедствия на азбуке Морзе, которая расшифровывается как “спасите наши души”. В нашем случае – это сокращение от “social support”, что в переводе с английского означает “социальная поддержка”. Это международная система альтернативного воспитания детей-сирот. Она основана на долгосрочной опеке, которая предполагает четыре этапа сопровождения детей: детская деревня до 16 лет, потом – молодежный дом – что-то среднее между студенческим общежитием и коммунальными квартирами, где дети под присмотром педагогов живут в больших съемных квартирах и учатся самостоятельности. Затем идет полунезависимое проживание – поддержка, в том числе и материальная, по-прежнему не отменяется; и четвертый этап – независимое проживание под присмотром SOS-наставников.

Чоро находится на третьем этапе опеки, он снимает квартиру вместе с двумя SOS-сестрами и одним SOS-братом. Он знает их с шести лет, с того момента, когда бабушка привела его в детскую деревню. Своих родителей он не помнит. Но он до сих пор общается со своей SOS-мамой Фатимой, которая, кроме Чоро, воспитывала еще восемь детей.

Теперь Чоро работает в престижной гостинице Нуат, где он начинал посудомойщиком. Сейчас он готовит обеды и ланчи для иностранцев, постоянно занят и еще не очень привык к третьему этапу “полуобеспечения”.

– В молодежном доме было легче. Приходишь – еда готовая, а теперь приходится делать все самому. Приготовить, постирать, – говорит о своей нынешней жизни Чоро. – А еще раньше в детской деревне нашим бюджетом управляли мамы. Жили почти на всем готовом, и когда в молодежный дом перешел, не знал, сколько стоит одежда. Год мучился, потом научился выбирать, а на второй год уже научился управлять бюджетом. До этого была мысль: “Лишь бы купить то, что хочется”.

Он только немного жалуется, но настроен вполне решительно и в сентябре собирается участвовать еще в одной программе SOS, чтобы получить жилье. Она называется Housing.

– Я мотивирован на то, чтобы купить дом. Со второго курса института я начал работать. Где я только не работал! Копил, копил. Капитал накопился

средний. Еще три года отработаю, и будет дом. Когда куплю дом – заведу семью!

Иногда, когда у него появляется свободное время, он ездит в деревню своего детства.

SOS-деревня в Бишкеке

Первую детскую деревню открыл Герман Гмайнер в Австрии для сирот второй мировой войны. Сегодня в мире таких деревень больше 130. Они финансируются "SOS Киндердорф Интернационал" и частными спонсорами. В Кыргызстане работают две SOS-деревни: одна в Бишкеке, другая на Иссык-Куле.

В детстве Чоро воспитывался в Бишкеке, в районе Душанбинки. Деревня занимает территорию размером в 4 футбольных поля. Здесь 14 аккуратных 2-х этажных домов, административное здание, гостевой дом, здание для персонала.

– В Бишкекской SOS-деревне живут 84 ребенка, каждого из них я знаю поименно, – говорит координатор психолого-педагогической службы деревни SOS Ксения Верблюдова, – Дети попадают к нам сейчас по решению суда. Раньше – по постановлению местных органов власти. Это дети, которые потеряли родителей. В первую очередь мы делаем акцент на круглых сиротах. Во-вторых, мы уделяем внимание детям, которые потеряли мать. Потом – детям, потерявшим отца. В конце списка – социальные сироты. Мы не помещаем ребенка в деревню насильно, только потому, что суд так решил. Ребенок после десяти лет сам решает, оставаться ему в деревне или нет.

Несколько девочек, расположившихся в тени на газончике, здороваются с Ксенией.

– Саламат чалык!

– Саламат чалык! – отвечает она детям.

SOS-семья

SOS-семья – это мама, помощница мамы и от двух до восьми детей. Иногда бывает больше, потому что братьев и сестер тут не разлучают. Каждая семья решает сама, как вести свой быт. В отличие от детского дома, в деревне нет общего распорядка дня, общих зарядок и расписания. Единственная общая обязанность – убираться возле своего домика, так как эти навыки могут пригодиться детям в будущем.

Главную роль в семье играет SOS-мама. Дети знают, что она не родная. Она, что называется, заме-

щающий родитель, который находится в деревне 24 часа в сутки.

– При подборе мам мы предъявляем много требований. Раньше наш отбор был еще жестче, но из-за дефицита кадров мы решили расширить поиск: женщина до 45 лет, со своими взрослыми детьми или без детей, желательно с педагогическим образованием и на долгий срок, – говорит Ксения.

Найти SOS-пап намного труднее, но в будущем сотрудники деревни планируют попробовать и эту модель.

У SOS-мамы могут быть свои, уже взрослые дети. И они, а также ее бабушки, братья, сестры могут приезжать в деревню. В помощь SOS-маме предоставляется SOS-тетя, которая подменяет или помогает в критической ситуации и заменяет маму во время отпуска.

– Почему тетя? Потому что мы не учреждение как, например, детдом, мы – деревня. Здесь есть как бы подруги мам. И они учат детей всему, что умеют сами. Например, у нас нет централизованного питания. Мама ходит на базар, закупает продукты, разрабатывает меню. В этом самая главная задача мамы – научить готовить, стирать, гладить. В каждой семье свой стиль воспитания. Но мы, конечно, контролируем полностью выполнение всех стандартов, которые у нас есть.

В одном доме могут проживать дети разной национальности, возраста, культуры. Задача SOS-мамы эти культуры объединять, чтобы дети уважали культуру друг друга.

Домик в деревне

Ксения проводит нас в просторный дом под номером 9 и знакомит с SOS-мамой Канышай. В ее хозяйстве – кухня, столовая, гостиная, санузел и резервная спальня, где стоит пианино еще советских времен. И это только первый этаж. На втором размещены три небольшие спальни для детей, комната мамы, ванная комната, душевая и еще одна уборная.

Мама "напрокат" Канышай, инженер по образованию, воспитывает 7 детей.

– Я выросла без мамы и с детства хотела быть воспитателем, все мои дети выросли, и я хотела дать что-то теплое и доброе таким ребятам. Вот недавно мои родные дети возили их в горы, водили в зоопарк. Мои и эти дети для меня одинаковы.

Этюд "Янка"

Сейчас детская деревня полупуста. Те, у кого есть бабушки и дедушки, забрали их на лето к себе. Но дети Канышай – круглые сироты. Они хотят показать нам свои комнаты и бегут наперегонки на второй этаж дома.

– Чью сначала комнату будем смотреть? Кто здесь живет?

– Яна, Бегимай и я, – бойко говорит девочка семи лет по имени Хосиет, в волосах многочисленные заколки, она то и дело обнимает своего SOS-брата. Хосиет стесняется, но все же проявляет интерес к нам.

– Кто у вас самый старший? – спрашиваем мы.

Дети, перебивая друг друга, отвечают:

– Яна!

– Руслан!

– Батылет!

В дверях появляется брат девчонок – семилетний Урмат. Он раскрывает нам тайну, зачем в доме пианино: "Я учусь в музыкальной школе".

– Мы не стремимся сделать из детей гениев, – говорит психолог деревни Ксения. – Пусть они будут полезны на своем уровне. Наша главная задача – дать ребенку профессию и жизненные навыки.

Какой полезный навык может дать Урмату игра на фортепиано? Возможно, он, как Чоро, станет поваром и построит дом. А сейчас он просто играет нам маленький детский этюд под названием "Янка" в душный летний день в детской деревне SOS на Душанбинке...

На вопрос "Хотел ли бы ты сам решить вопрос о твоей дальнейшей жизни?" 83,7% воспитанников SOS-учреждений ответили положительно.

– А что, если бы я сказал, что я не старею, а молодею, в отличие от всех остальных?

– Что ж. Я бы посочувствовала тебе. Ведь ты увидишь, как твои любимые умирают раньше тебя. Это ужасная ответственность.

Фильм "Бенджамин Баттон"

Я был обычным мальчиком, который перед сном со слезами на глазах хватался за мамину руку и спрашивал:

– Скажи, мамочка, я не умру, я ведь долго буду жить?

Жизнь набирала обороты – я во всю резался в карты с друзьями и пылил по улицам на велосипеде. В старших классах впервые ощутил вкус алкоголя и прочих вредных веществ. Я почувствовал наслаждение от настоящего, и мысли о старости сами по себе исчезли. Просто не было времени думать об этом. Сейчас понимаю, что это даже как-то бесполезно, ведь и так все понятно – все мы неизвестно когда умрем.

Однажды, когда я был уже студентом, прочитал в новостях, что тело моего друга Далера было жестоко размазано автомобилем на центральной улице Бишкека. Он учился в параллельном классе.

Помню, как промокшие от резкого весеннего ливня, счастливые и беззаботные мы шли после уроков в компьютерный клуб. У Далера сбилась прическа, и с его блестящих волос капал гель. Тогда я впервые понял – мои ровесники уже интересуются девочками.

Было жутко видеть на фотографиях кровь на асфальте и понимать, что это кровь того самого горячего парня, которая еще вчера давала возможность ему строить какие-то планы на будущее. Одно знаю точно: школьный друг прожил веселую и яркую жизнь, прогуливая занятия с друзьями ради безумной любви к футболу и букмекерским ставкам.

Двухминутный рассказ о жизни

Я вижу еще советских времен диваны, желтые занавески и беленные стены. Такой аккуратный, казенный стиль и запах... Этот запах невольно старил – на какой-то момент я забыл о радости жизни, о ярком летнем Бишкеке, который остался за порогом дома престарелых.

В гостинную на инвалидном кресле, которое давно пора бы обновить, резко въехала пожилая женщина с отстраненным взглядом. Отказываясь от помощи, она задним ходом преодолела крутой дверной порог.

СТАРИКАМ ЗДЕСЬ МЕСТО?

Илья Каримджанов (повествователь)
Александра Каримова (репортер)

– Безжалостные сволочи, – сказала Екатерина Ивановна. Это она о своих детях.

Свою жизнь пенсионерка рассказала за две минуты, не желая погружаться в воспоминания. Конец ее истории был прост: из-за сына она лишилась квартиры в Бишкеке.

– Я даже думать о сыне больше не хочу, он мне столько горя принес. Я уже хочу забыть, – глубоко вздохнула она.

Ее старшая дочь исчезла 26 лет назад, оставив Екатерине Ивановне внука, с которым она моталась по съемным квартирам шесть лет. Уже два года, как она здесь, в доме престарелых. Первые четыре месяца она заперлась на ключ и не покидала свою маленькую комнату.

Согласно 92 статье Семейного кодекса Кыргызстана, трудоспособные совершеннолетние дети обязаны содержать своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей и заботиться о них. При отсутствии соглашения об уплате алиментов на нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей они взыскиваются с трудоспособных совершеннолетних детей в судебном порядке только по инициативе родителей. По

словам Эркингуль Абдылдаевой, директора Дома-интерната для престарелых Первомайского района Бишкека, судиться с детьми никто не хочет.

Бывшей каменщице сейчас 68 лет, у нее протез в тазобедренном суставе. Екатерина Ивановна живет настоящим: шьет маленькие мягкие игрушки, и от их продажи получает небольшую добавку к пенсии. Каждую неделю в инвалидной коляске ездит на близлежащий базар за продуктами, сама готовит еду. Сейчас она уже не одинока – три месяца назад пенсионерка расписалась с дедушкой, которого встретила в доме престарелых.

Каждое воскресенье ее уже взрослый внук приходит к ней и обещает забрать как только заработает на квартиру. Но для пожилой женщины дом престарелых – последний дом на длинном пути. Она, что называется, песнiонерка “в авторитете” и часто проводит воспитательные беседы с местными стариками.

Таких, как она, когда женщина была в глубокой депрессии, Екатерина Ивановна называет лодырями и считает опустившимися людьми.

– Я старшая по корпусу. Некоторые тут спиваются, опускаются. Просто они лодыри. Захожу, их ру-

гаю. Ничего не хотят, просто лежат. Вот женщина пришла худенькой, а теперь как колобочек стала. Двигаться надо, что-то делать надо. Вот будет у меня правнук, тогда можно и помереть.

На сегодняшний день в Кыргызстане проживает 444,4 тысячи пожилых граждан, что составляет чуть более 8% от населения страны. Средний размер пенсии – 3 796 сомов, что немного меньше прожиточного минимума.

В ожидании субботы

Приятеля Далера, Тилека, с которым они вместе прогуливали пары в университете, тоже больше нет. Его образ навсегда останется для меня загадочным, как и его смерть.

– Он умер, нет его, – так сухо и коротко ответила мать Тилека на просьбу позвать ее сына к телефону.

Ровесница моих погибших знакомых Зарина также не думает о старости. Ей нравится просто жить моментом. Она говорит, что та тетка, которая идет в своем огромном балахоне по улице, это явно не она в будущем.

– Я вообще не представляю себе старость, никак, – восклицает девушка.

Согласно классификации Всемирной организации здравоохранения, возраст до 44 лет считается молодым, 45-59 – средним, 60-74 – пожилым, 75-89 – старческим, люди, достигшие 90-100 лет и старше, считаются долгожителями.

Зарина понимает, что жизнь с наркотиками и алкоголем не приведет ее к старости, скорее – к смерти. Тем не менее отказывать себе в чем-то, чтобы увидеть на своем лице морщины, она не собирается.

Одиноким пенсионер Анатолий, в прошлом успешный водитель, напротив, имел большие планы на обеспеченную счастливую старость. Однако в один месяц смерть забрала у него сына и жену. Теперь 77-летний старик, проживший последние 11 лет в доме престарелых, убежден: жизнь – непредсказуемая штука.

Каждый день он ждет субботы, чтобы навестить в деревне сестру – это единственная оставшаяся радость в жизни Анатолия. Молодость старик вспоминает, рассказывая о своей наколке в форме орла на уже дряблой груди, которая выглядит из наполовину растегнутой светлой рубашки советских времен.

– Я думал, что никогда не буду старым, а сейчас все потеряно, все разъехались, – говорит одинокий дед.

В систему организаций социального обслуживания в Кыргызстане входят дома-интернаты для престарелых и инвалидов – по всей стране их 15. В них находятся 2,3 тысячи подопечных, 90 из которых – пожилые граждане.

Суицидальные мысли у стариков

Венера Кемелова, доцент кафедры психологии Национального университета Кыргызстана, приводит данные Всемирной организации здравоохранения, согласно которым, у 40% пожилых людей наблюдаются депрессивные симптомы.

Она говорит, что именно у этой группы людей часто наблюдаются суицидальные мысли, потому что они не могут больше терпеть изнуряющую боль в теле, вызванную различными болезнями. Кроме того, людям в возрасте сложно приспосабливаться к меняющимся условиям жизни, появляющейся безысходностью и одиночеством.

Ведущий специалист по работе с пожилыми людьми из Министерства социального развития Кыргызстана Тынчтыкбек Койчуманов рассказывает, что официально одиноких нуждающихся в помощи пожилых людей по стране зарегистрировано около 10 тысяч.

В августе 2011 года в Кыргызстане вступил в силу закон "О пожилых гражданах Кыргызской Республики", согласно которому пожилым гражданином считается мужчина, достигший 63 лет и женщина 58 лет соответственно.

Но им государство уделяет всего четыре часа в неделю, когда кто-то из социальных работников приходит к пенсионерам домой, чтобы убрать или сходить на рынок за продуктами.

– Как работают ваши сотрудники с детьми, родители которых оставлены в доме престарелых?, – спрашиваю я его в разговоре.

– Дом-интернат не соответствует международному стандарту, из-за отсутствия нормативно-правового акта...

Дальше чиновник начинает говорить обо всяких правовых актах, о каких-то госорганах, которые не могут договориться друг с другом.

– Ладно, мне нужно в аэропорт, – заканчивает специалист из минсоцразвития...

А по ту сторону кабинета, где-то в северной части Бишкека, за 84-летней ослепшей женщиной ухаживает ее дочка. Казалось бы, это нормально, что Галия продолжает любить свою маму. Только вот она сама инвалид и уже 49 лет живет без ног. Пока государство занимается правовыми вопросами, женщина выживает на свою маленькую пенсию и подаяния прохожих.

Старость бывает только героиневой

“Старым человек становится тогда, когда перестает развиваться. Это не зависит от возраста. Есть много примеров, когда после 40 лет люди кардинально меняют свою жизнь и продолжают развиваться, самореализовываться. Главное – желание меняться. Никто не сможет изменить человека, если он этого не захочет сам”, – Светлана Бровкина, клинический психолог отделения психосоматики Реабилитационного центра психического здоровья Кыргызстана.

– Я была старой, только когда принимала героин, – рассказывает Татьяна, которая в свои 50 выглядит на все 70 лет.

Она была дважды судима. Десять лет назад женщина узнала, что у нее положительный ВИЧ-статус. Говорит, что в то время не было сил бороться за жизнь.

Сейчас Татьяна получает удовлетворение от помощи наркозависимым в одном реабилитационном центре Бишкека. Около десяти лет она не употребляет героин, заменяя его метадоном. С ВИЧ-инфекцией женщина борется при помощи специальных препаратов. Ее личная жизнь посвящена 20-летнему сыну.

Моя бабушка Рита совсем скоро будет держать на руках уже второго правнука. Несмотря на появившийся несколько лет назад старческий маразм (что она, к счастью, признает), бабуля никогда не

считала себя старой и доказательство тому – ежемесячная перестановка мебели в комнате, после которой бабушка всегда с улыбкой как бы помирает, тяжело упав на кровать.

Преддождливый летний вечер. На площадке ресторана играет джаз-банда.

– Я мечтаю, как Рой Хэнкс, играть до 90 лет на ударных установках. Это будет круто. Представляете, он так... – мужчина жестами изображает игру на барабанах, напевает. При этом зажмуривает глаза от удовольствия. – Это фантастика же!

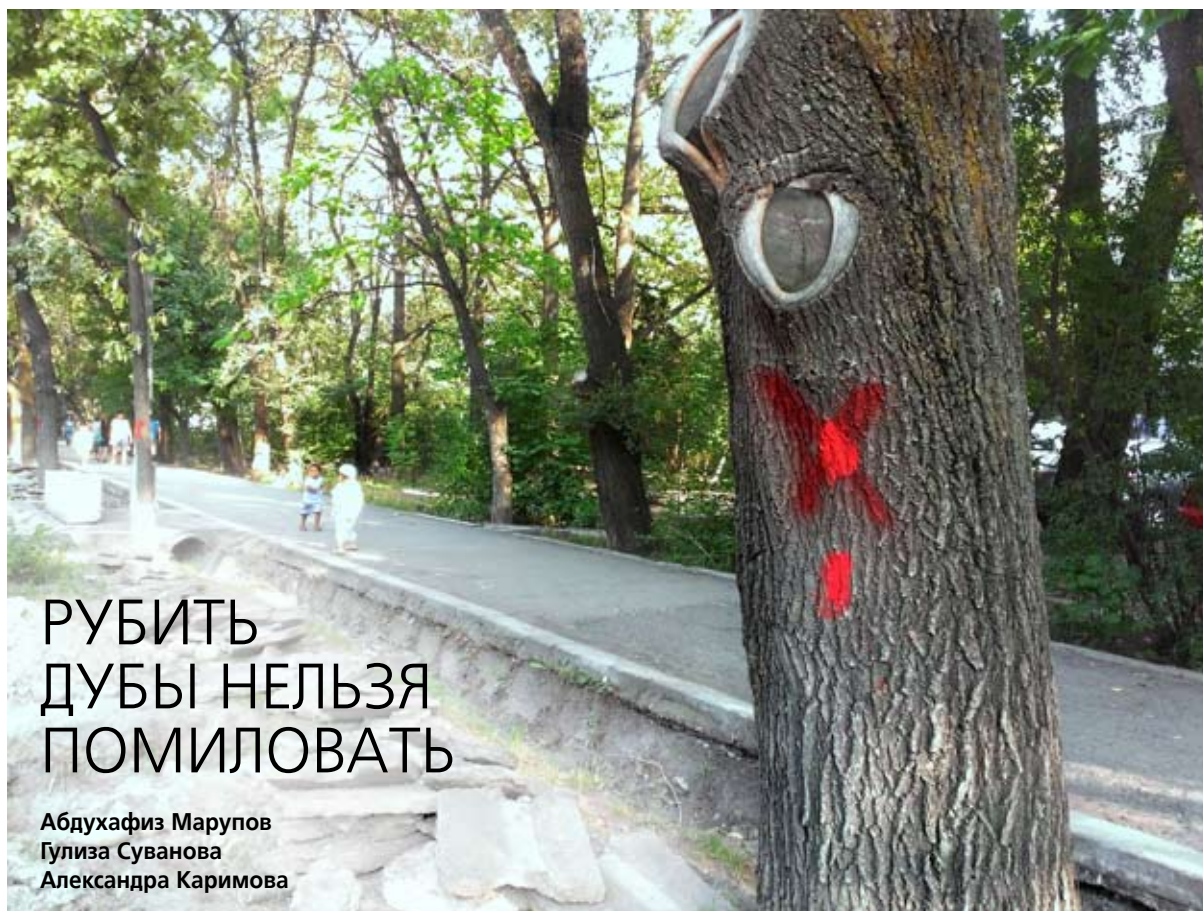
Основатель джазовой группы “Соленые Орешки” Бакыт Кыдыкбаев говорит быстро, глаза горят. Сегодня этот 50-летний мужчина только начинает открывать новое, что не было доступно в молодости.

– Джаз не понять в 20-30 лет. Только с возрастом ты начинаешь играть. Я планирую осуществить грандиозный музыкальный проект. Сложно все это осуществить. Я многому учусь и в этом плане работа только начинается. Все мечты, которые были в молодости – теперь конкретная работа, осуществление крупных проектов. Нужно жить быстрее, чтобы мог поделиться с молодыми, – Бакыт энергично взмахивает руками.

Как ни парадоксально, специалисты говорят, что интенсивность старения гораздо выше в молодом возрасте, чем в пожилом, потому что обменные процессы в организме идут быстрее. Получается, долгая и счастливая старость возможна? Но почему мы так редко ее видим?..

P.S.:

некоторые имена изменены по просьбе героев. Спасибо всем собеседникам, кто не вошел в публикуемый текст, за свои истории, которые помогли составить общую картину.

РУБИТЬ ДУБЫ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ

Абдухафиз Марупов
Гулиза Суванова
Александра Каримова

Решение мэрии Бишкека вырубить полувековые деревья вдоль улицы Донецкой с целью расширения дорог вызвало жаркие споры у горожан. Не менее интригующей была его отмена.

– Мы вчера ликовали! У нас здесь вчера такой праздник был, – радуется Наталья Сливинская.

Светлые глаза, светлые волосы, кокетливое белое платье на уже немолодой пышной женщине. Неравнодушный взгляд, сбивчивая речь. Сегодня жительница Донецкой улицы, которая живет здесь уже 35 лет, плачет от счастья, а всего пару дней назад слезы были от бессилия:

– Мы не верим в порядочность. Сейчас побеждает только зло, безразличие. Вот хотели нам помочь жители с других домов, подписи собрали, но не верят, что получится у нас что-то. Нельзя быть безразличными. Добро должно победить.

Однажды утром обитатели Донецкой улицы проснулись и обнаружили на дубах кровавые кресты. Так представители власти обозначили деревья, которые будут срубить. Двухполосная дорога спального района должна превратиться в скоростную четырехполосную. Все это в рамках большого плана по уменьшению пробок в городе.

– Мы понимаем, какая-то инфраструктура должна быть, – возмущенно говорит Наталья, показывая на родные дубы, но должно сохраниться и живое. То, что людям приносит благо. Обращались, просили о помощи – сохраните деревья. Прокладывайте дорогу, огибая стволы, чтобы корни дышали. Нельзя же так. Вот такую красоту срезать.

В 1978 году Наталья вышла замуж и переехала в дом по улице Донецкой. Тогда дубы были совсем молодыми и практически не давали тень. Их вместе с другими жителями улицы сажали муж и свекровь Натальи – первые жители этих домов. Муж вскоре умер. Деревья остались памятью.

– Этим деревьям 50 лет. Сажали дети и взрослые. Нам, чтобы дождаться такой красоты, нужно ждать 50 лет. И неизвестно, примутся ли они. И если у нас есть такое красивое свое, зачем сажать новое? Дубы – вечное дерево. Пушкин славил. А мы должны срезать, спилить и посадить непонятные саженцы, которые не будут давать тень еще 10 лет. А температура этим летом была до 50 градусов. Это жестоко.

Каждую ночь жители дубовой аллеи дежурили. Не спали, прислушивались к каждому звуку. Все ожидали, что придут срубить деревья. Для здоровья

многих жителей это было настоящим испытанием. Некоторым вызвали скорую – от переживаний прыгало давление.

Дубовая аллея, как оказалось, еще и место романтических встреч.

– У нас здесь приходят на свидания соловьев слушать, – с гордостью рассказывает Нурия, жительница района. – Каждый год весной в свадебный сезон здесь соловьи 24 часа поют.

А еще по улице Донецкой находится городской морг. Наталья иронизирует:

– Зачем тут дорога? Трупов в городской морг на катафалке на быстрой скорости возить? Смех сквозь слезы!

Отчаявшиеся жители района обратились за помощью к экологу Анне Кириленко:

– В рамках этого проекта должны была быть проведена экологическая экспертиза. В рамках любого проекта проектировщик должен провести согласование с жителями. Общественных слушаний не было.

По данным экологов, для обеспечения благоприятной городской среды необходимо около 40 кв.м. зеленых насаждений на человека. А в Бишкеке всего 6,5 кв.м. Причем даже эти показатели постоянно сокращаются.

Жители Донецкой продолжили борьбу за свои зеленые метры. Вечером 18 августа они решили связаться с мэром.

– На Ошском посадил. И ничего не принялось, – говорит о мэре 25-летняя Ольга. – Он за 3-4 года вырубил очень много деревьев. Неужели ему не стыдно перед своими предками? Деревья, которые посадили его родители, он вряд ли стал бы рубить.

18 августа жители района связываются с Анарой Дауталиевой – известной правозащитницей, которая открыто и порой эпатажно критикует работу мэра. Именно с ее помощью жителям удалось дозвониться до мэра и назначить встречу. После всем районом сели писать письмо.

Мы, жители домов данного участка в соответствии со статьей 36, пункт 2 Кыргызской Республики требуем пересмотра плана по расширению дороги в пользу сохранения народного достояния – дубовой аллеи.

Требуем произвести экологическую и санитарную экспертизы.

Требуем провести публичные слушания с участием заинтересованных сторон – мэрия, дорожники, экономисты, "Зеленстрой", экологические организации, жители микрорайона.

В случае несоблюдения Закона вынуждены будем обратиться в прокуратуру Кыргызской Республики.

И вот в ночь 18 августа, печально глядя в сторону городского морга, жители Донецкой заметили странных людей. Первое, что они подумали: пришли рубить. Но ожидаемые лесорубы оказались дворниками. Они вычищали улицы к приезду мэра.

И утром 19-го случилась встреча. Но не сразу с мэром. Сначала прибыл Олег Попиков – эмоциональный заместитель мэра по благоустройству. Началось обсуждение проблемы, которое перерастало в весьма громкие и не всегда сдержанные дебаты.

И вот, наконец, приезжает мэр Иса Омуркулов. Пока не ясно, обострится или стабилизируется ситуация с его приходом. Жители зеленого района зачитывают письмо с требованием сохранить дубовую аллею. Мэр сдержанно отвечает:

– Мы сейчас все продумаем хорошенько. Что задумали, надо выполнить. Задача – дорогу сделать, коммуникации.

Мэр с письмом жителей в руках отправляется к машине, делает несколько шагов, но вдруг останавливается посоветоваться с коллегами. Затем зовет жителей района обратно и объявляет, что дубы вырубаться не будут.

Слова мэра прерывают восторженные крики жителей и благодарности со всех сторон.

Чтобы разобраться во внезапной перемене решения мэра, мы идем к заместителю начальника управления капитального строительства мэрии Бишкека Абдыжапаркулу Жанболотову.

– Получается, что необходимости вырубки деревьев изначально не было?

– Была. Вообще есть понятие “проект”. Мы должны все строить по проекту, – отвечает представитель власти, а затем добавляет: – Обычно мы почти не меняем проект. Проект, он проект, начертили и все. Можно поменять проект, можно внести изменения, корректуру. Проект, он рекомендательного характера. А процесс работы совсем другой...

Что же случилось на встрече с жителями района?

Почему мэр изменил свое решение так резко, всего за несколько шагов? Может, дух священного дуба явился ему или письмо с указанными нарушениями закона убедило мэра? Так или иначе, запятая во фразе поставлена: Рубить нельзя, помиловать.

ОРТОСАЙСКИЙ РЫНОК И "НЕПОНЯТНОЕ" ВОКРУГ НЕГО

Латофат Мирзоева
Сурайе Хонова
Гульджахон Хамройзода

Благоустройство, озеленение, расширение дорог – все это порадовало жителей 5-го микрорайона Бишкека и автомобилистов: наконец, городские власти решили навести порядок. Однако этот порядок внес нервность и неопределенность в жизнь арендодателей 22-х киосков.

Для всех этот день был обычным днем, но для Мирбека Баширбекова он оказался одним из худших в его жизни: "Я безработный. У меня двое детей. Неделю назад моя жена родила. Но мне ничего не обещали, и не обещают".

Летняя жара. На Ортосайском рынке города Бишкек кипит торговля. А снаружи, в ларьках, которые стоят прямо на тротуарах – уныние. Сегодня 20 августа, последний день, когда продавцы павильонов быстрого питания должны освободить место торговли. Продавцы с потерянными лицами и опустошенными глазами стоят и смотрят на то, как их киоски лихо поднимает и увозит грузоподъемный кран. Когда и где они снова начнут работать – неизвестно.

"Убрали мой киоск. Акимият Октябрьского района дал 5 дней на освобождение. Не знаем, куда пойти. Говорят, мест нет, и не будет", – говорит Чинара, продавщица газет.

7 августа 2013 года власти Бишкека решили реконструировать улицу Суеркулова и благоустроить территорию, прилегающую к Ортосайскому рынку. При этом незаконные объекты торговли должны были быть демонтированы.

Управление муниципальных субъектов 8 августа должно было уведомить об этом владельцев и арендаторов торговых точек с требованием демонтировать свои объекты в течение 3-х дней. Если киоски не уберут, их демонтируют 12 августа сами власти. Все это следовало из документов акимията.

	Уведомление	Срок	Снос
Акимият	8 августа	3 дня	12 августа
Администрация рынка	20 июля	месяц	20 августа
Продавцы	15 августа	3-5 дней	20 августа

Непонятный вопрос №1. Даты

Мирбек Баширбеков – продавец бижутерии – демонтирует свой магазинчик, который кормил всю его семью.

– 15 августа мне дали уведомление. Сказали, чтобы мы сами убрали свои магазины, или они придут и уберут их. И подпись поставили.

Чинара на протяжении 4-х лет продавала здесь газеты. О решении властей она тоже узнала 15 августа. Ее киоск уже снесли, и она разложила журналы прямо на тротуаре. Ирина продает строительные материалы в павильоне "Мастер-дом".

– В четверг 15 августа после обеда пришли из акимията и уведомление вручили, чтобы мы расписались. Сказали, что завтра, 16 августа, будут сносить, чтобы мы все это освободили. Естественно, мы на следующий день уходить не собирались: у нас есть хозяин, если он даст указание собираться, то мы уйдем.

Наврузбек Батыров, администратор рынка, с уверенностью говорит, что всех предупредили заранее.

– Их уведомили около месяца назад. 20 августа – последний день для освобождения павильонов и переноса их на другие места.

Получается, что на рынке о демонтаже знали раньше всех? Даже раньше властей города, которые собирались для решения этого вопроса 7 августа.

Курманбек Собиров, заведующий отделом торговли и сферы услуг администрации Октябрьского района, показывая документы, объяснил:

– Мы до 15 августа давали оповещение. Всем дали 3 дня. В течение этих дней своими силами должны освободить места.

Непонятный вопрос №2. Пожарные

Инга из магазина “Мастер-дом”-рассказывает, что пожарные приехали и сказали-выходить и выносить товар, дали 20 минут, иначе все зальют водой.

– Когда пожарные были, так как мой павильон был первым, мы все выносили свои вещи, товар, на который я всю жизнь-зарабатывала, естественно, я быстро собрала, за 4 часа все вывезла. Только начали разбирать крыши нескольких павильонов, они вдруг успокоились, собрались и уехали.

Пока продавцы возмущаются, в акимате посмеиваются: “Перед тем, как демонтировать киоски, пожарные должны были выключить электричество. Поэтому они там и были”.

Непонятный вопрос №3 Земля чья?

Продавцы и арендаторы павильона “Мастер-дом” думают, что их места принадлежат рынку, поэтому надеются на место внутри рынка.

У Курманбека Сабирова из акимата на этот счет иное мнение.

– “Мастер-дом” построен незаконно, документов нет. Он находится на тротуаре вдоль дороги, это запрещено. Это муниципальная территория. Когда я был там, у хозяина “Мастер-дома” Мухитдина Рустамбекова не было никаких документов. Он раньше работал в генеральной прокуратуре, у него свои связи. Если по законам, то штрафовать надо таких, кто столько лет незаконно работает. Продавец бижутерии Мирбек подозревает, что все это время платил за свое место не тем людям.

– Администрация рынка тоже ни о ком не думает, только деньги берут за аренду. Арендную плату я за месяц заплатил. Я звонил в администрацию, сказали: через неделю поговорим. Говорят, что за 15 дней деньги вернут, но пока не вернули. Они нас не уведомили, потому что им наши деньги нужны! Они просто молча брали деньги. Я им говорю: “Это ваша земля? Ваш павильон? Все документы в порядке?” – “Да-да-да, все нормально, будешь работать. Год, полтора будешь работать”. В итоге я только 4 месяца проработал. Они люди богатые. Им даже слова поперек не вставишь. Говоришь с ними – они трубку бросают.

Похоже, Мирбек остался у “разбитого корыта”. А у продавщицы газет Чинары есть надежда. Она платила за аренду муниципальным властям.

– Нам говорят, что дадут другие места для торговли. Я не знаю, где именно, но дадут. Я и еще 10 человек написали заявление в акимат. Наши места принадлежат не рынку, а Октябрьскому району.

“Людей, которые исправно платят, законопослушных людей, передислоцируют в другие места”, – подтверждает Курманбек Сабиров.

Незаконпослушных хозяев и арендаторов вокруг Ортосайского рынка – 22. По крайней мере, так подсчитали в акимате. Как получилось, что незаконные павильоны по 2-3 года торговали на муниципальной территории? А продавец магазина “Мастер-дом” и вовсе призналась, что торгует здесь уже шесть лет.

Почему так много “почему”?

Почему так много разных версий? Почему так много разных цифр? Почему 22 незаконных киоска? Почему дается только 3 дня, чтобы человек смог поменять свою жизнь? Почему путь к благоустройству лежит через беспорядок?

Единственное “понятное”

Жители окрестных домов равнодушно проходили мимо выселяемых продавцов. Их мнение было наиболее ясным и прямым.

Улугбек, 50 лет:

– Пусть убирают эти павильоны, они портят облик города, да еще и мешают рынку. Расширят дорогу – будет понятно, что это город. А так – бардак полный. Они же прямо на тротуарах поставили свои будки, и людям проходу нет.

Айгуль, 43 года:

– Убирают павильоны – да, я согласна, они мешают, но заменить их автостоянкой? Тоже не решение проблемы. Нужны плановые изменения.

Светлана, 36 лет:

– Я за то, чтобы расширили дорогу и убрали будки. Эти будки быстрого питания мешают жителям. Пусть убирают их, и будет нормальная широкая дорога.

Дмитрий, -26 лет:

– Давно надо было снести эти будки. Я за то, чтобы их убрали и расширили дорогу. Пусть люди работают в цивилизных местах.

ТЕАТРУ КОНЕЦ?...

Екатерина Никонович
Богдана Опарина
Алена Хван

После скандального увольнения руководства Русского театра драмы в Бишкеке продолжается дискуссия о настоящем и будущем театра. Что происходит там накануне 79-го предъюбилейного сезона?

Предобеденное время вторника. В большом зале Русского театра драмы вовсю идет репетиция пьесы Островского "Женитьба Бальзамина". Режиссер Неля Плешакова сидит посреди сцены и руководит процессом. В роли кухарки Матрены – народная артистка Кыргызстана Лариса Любомудрова. В театре она с 1969 года. Сейчас в смешном платке на голове и цветастой юбке она порхает по сцене, как бабочка, чем очень смешит режиссера. Позже в гримерке Лариса Михайловна говорит о серьезных вещах....

– Я считаю, что только дьявол мог так поступить с театром. Недавно вышла статья, в которой говорят, что театр умер. Здесь работали великие актеры, режиссеры, они уезжали, умирали..., – вспоминает она, – а театр все равно существовал. Не может такого быть, неправда, не верьте! Театр жил, жив и будет жить!

Кого Лариса Михайловна называет дьяволом? Бывшего директора театра Бориса Воробьева, который сейчас сидит в СИЗО по обвинению в злоупотреблениях полномочиями? Того Воробьева, который пустил сюда многочисленных арендаторов и разрешил пристроить к театру кафе? Того, кто вывез отсюда декорации, технику и мебель? Или актера Марка Гликмана, героя статьи в "Вечернем Бишкеке"? От адского огня в Марке только его красные кеды. Он сидит на скамейке в Дубовом парке рядом с драмтеатром, в котором проработал пять лет. Туда он больше не заходит: уволился в начале августа. Теперь у него другие планы: учеба на театральном факультете российского университета.

– Нынешняя обстановка в театре критическая, – говорит Марк. – Во времена Воробьева был 51 спектакль. Спрашивают, а что больше не будет? Я думаю, не будет. Все говорят о том, что Воробьев вынес аппаратуру, а никто не говорит, что она принадлежала ему. Он сам вкладывал деньги. Где он их брал – не знаю, но они были не государственные. О нас говорила пресса, в том числе и российская. А теперь все это пропадает. Больше этого не будет! Уходят молодые, остальным некуда идти. Народные артисты получали нормальные деньги, но теперь они будут получать две-три тысячи. Воробьев платил больше. Законным или незаконным способом, но платил! Он понимал, что актерам нужно платить. При Воробьеве все-

таки нормально было. Да, были и у него недостатки, но зато сцена оставалась сценой.

Снова театр. Пустая сцена, пустые коридоры. Торопливые шаги, хлопки дверью, звяканье ключей. Вдруг откуда-то появляется светооператор Нурлан в майке с логотипом Русского драмтеатра. Он радостно улыбается, буквально только что уволился из театра.

– Новое начальство пришло, горы золотые обещали. Сейчас нет ни осветителей, ни светооператоров, монтажников только два. Двое остались, и то, которые ничего не знают. А сейчас, как вы видите, ничего нет, даже спектаклей. Последний спектакль, который выпущен, называется “Театр мертв”, вроде. Это в точку. Невозможно на шесть тысяч прожить. При Воробьеве гораздо лучше было.

“Актерам всегда жилось нелегко”, – поясняет актриса Лариса Любомудрова. Сама она работает не только в театре, еще преподает в университете актерское мастерство, ставит спектакли в Молодежном театре “Время”.

– Я ведь тоже подрабатываю всю жизнь. Кружки, преподавание в студии – это оттого, что мне хочется дополнительно заработать. И так всю жизнь: без выходных дней. Дополнительный заработок плюс нужно реализовать накопленное, отдать свои знания, кого-то подготовить в институты. У меня много выпускников, – поясняет она. – Те, кто занимался у меня, стали актерами по всему СНГ: и в Петербурге, и в Екатеринбурге. Воробьев, который же нами управлял, превратил наш театр в какой-то крепостной театр. Они просто нас уничтожали.

Сегодня театр возглавляет новый директор Александр Кулинский. Когда-то он учился у Ларисы Михайловны в Молодежном театре, состоял в социалистической партии “Ата-Мекен”, был известным журналистом. Александр Кулинский заметно нервничает, когда мы спрашиваем его о прежнем руководстве, подпрыгивает на стуле и тербит ручку.

– На сегодня только два актера уволились. Г-н Гликман и Влад Олехин. Оба поступили в Свердловский университет. Мы порадовались за них. Пришли и новые актеры, которые давно здесь не работают и не хотели-работать. Три-четыре актера вернулись, не работавшие последние два-три года. На мой взгляд, театр перестал быть театром, – говорит новый директор про прошлое театра, – то, в каком состоянии я получил его, просто вы-

Актриса
Лариса Любомудрова

Актер Марк Гликман

Светооператор
Нурлан, уволился

Нурлан Асанбеков -
новый главный режиссер
Русского театра драмы

зывает ужас. Здесь ремонта на 12-15 миллионов. И куда эти деньги с аренды уходили – большой вопрос. Четыре миллиона мы должны потратить на первые нужды. В ужасном состоянии туалеты – сходите, посмотрите! Хотя на это выделялось два миллиона в 2012 году. И где эти деньги?

И, правда, туалеты в полуразрушенном состоянии, двери в них не закрываются. Грязно. Пахнет, как в привокзальных заведениях. Лифты не работают. Полумрак. Чтобы добраться до пятого этажа, нужно подняться по узкой винтовой лестнице.

Небольшой кабинет Нурлана Асанбекова, нового главного режиссера. В углу сложен театральный реквизит, стены обиты разноцветными тканями, от жары не спасают даже открытые окна.

– Отсутствие социальной, финансовой гарантии, отсутствие перспективы приводит к тому, что актеры будут уходить в другие сферы деятельности. Каждый театр должен быть культурным достоянием нашего народа, это целая идеология республики.

У нас театров не так уж много, у государства, – говорит он. – Естественно, кто придет за 5 или за 6 тысяч сомов? Как можно требовать с такого актера духовной отдачи, игры на сцене, если его семья нуждается в элементарных житейских условиях?

Пресс-секретарь Министерства культуры Марлен Соляной о будущем театра лишь поясняет: “Драмтеатр открывается 11 октября. Директором подготовлен театральный отчет и финансовый”.

На входе в театр висит афиша спектакля с говорящим названием “Театру конец?..”. Но главный режиссер Нурлан Асанбеков считает, что название пьесы не символ скорого распада. Это скорее намек на продолжение. “После вопросительного знака ведь идет многоточие, на это обратите внимание”, – говорит он.

– При предыдущем директоре было много спектаклей поставлено. И плохие, и хорошие были. Я могу оценивать как профессионал, конечно. В большинстве случаев они были художественно заниженные, на потребу зрительского легковесного интереса. Театр должен не только отражать, это не телевизор, не реклама. Театр – культурный центр, прежде всего.

Репетиции в театре продолжают. 11-го октября открывается новый 79-й театральный сезон. 3-его октября из СИЗО готовится выйти бывший

директор Борис Воробьев. К этому времени уволившийся актер Марк Гликман уедет в Екатеринбург – учиться на театральном факультете. Нурлан Асанбеков планирует приглашать европейских режиссеров, режиссеров из Москвы, начать проводить мастер-классы для актеров, включиться в современный театральный процесс. Совет попечителей, созданный в марте этого года, призван наблюдать за действиями художественного руководителя и директора Русского театра.

“А что же с кафе, которые были пристроены к театру?” – спрашиваем мы в Министерстве культуры.

– В данный момент принято узаконивание данных пристроев. Данные объекты проходят процесс узаконивания, процесс юридического оформления. Все будет идти в соответствии с законом, – отвечает пресс-секретарь Марлен Соляной.

НИХОМА – САЛАМАТ ЧАЛЫК – ПРИВЕТ?

Мухаммадозод Сидиков
Зауре Медерханова

По данным общественных организаций ежегодно в Кыргызстане происходит в среднем 10 стычек между кыргызами и дунганами. Что за этим стоит? В чем причины? Мы отправляемся в дунганское село, чтобы получить ответы на эти вопросы, и заодно познакомиться с культурой народа, переселившегося сюда из Китая в конце XIX века.

Щи?

Александровка. Мы на главной дороге села. Вокруг бесконечные поля и крестьянские дома с хозяйством. Зеленые листья деревьев выгорели от палящего солнца. Свое название село получило более 130 лет назад в годы правления царя Александра II.

Хозяйка местного кафе – большая симпатичная зеленоглазая Халича – готовит щи. Нет, не русские щи, и вовсе даже не щи, не суп. Это дунганское национальное блюдо Щи. Халича ставит перед нами широкий поднос с несколькими блюдцами. В каждом из них – различные формы и виды мяса, украшенные цветными яйцами, и разные виды салатов. В общем, одному всю эту красоту точно не съесть.

Фатима Щи

– Сюда входят пампушки, салат, рис, бульон, зелень. На наших свадьбах 6 человек это едят, а так

и на 8 хватит. У нас она идет по цене 1100 сомов, – рассказывает Халича.

По дороге встречаем директора местного дома культуры Марьям Давузову, которая угощает нас другой дунганской едой “хомомо”. С виду печенье напоминает местные самсы, только в уменьшенном варианте и сладкое.

Марьям хомомо

– Внутри тут грецкий орех, курага и изюм. В переводе с дунганского “хомомо” означает “сахарный хлеб” и может храниться полгода. Он очень калорийный, – предупреждает она.

Марьям выросла в интернациональной семье и свободно владеет дунганским, киргизским и русским языками.

– У отца были 2 жены: старшая – киргизка, младшая – татарка. От каждой по 10 детей. Нас 20 братьев и сестер. По этой улице живет младший брат. Напротив тоже мой брат, только этот от киргизской матери. Там, где машина стоит тоже племянница живет. Вот тут мой двоюродный брат живет. У нас отец был председателем колхоза. Вот там, на той стороне есть новостройки, и там одна из улиц будет носить его имя, – с гордостью рассказывает Марьям.

Баклажан

Мы идем в дом культуры, где в небольшой комнате хранятся национальные музыкальные инструменты. Один из них с тыльной стороны очень похож на баклажан. Забавно, но он так и называется "баклажан".

– Баклажан – струнный инструмент, – объясняет Мариям. – Наши инструменты в основном смычковые – санчанзы, эхузы. Есть 2-х струнные и 3-х струнные, например, мандолина. А это бабы – металлическая труба, наполненная монетами – с ними наши мальчишки танцуют. Они играют роль ударных инструментов.

Нихома – Саламат чалык

Большинство дунган в Александровке занимаются земледелием, выращивают морковь на экспорт в соседние страны. Около 30% торгуют. Фатима с мужем владеют семейным магазином. Дела в торговле идут хорошо, и сейчас ее больше всего заботит образование детей.

Хадича

– Детей предпочтительнее отдавать в киргизскую школу, чтобы построить нормальную карьеру. В то время когда я училась, не было никаких методик, книг, чтобы изучать киргизский. Иногда выйдешь, от тебя требуют, чтобы ты на киргизском

разговаривала, а для меня это трудно. Вот если бы организовывали какие-то бесплатные киргизские курсы, я бы с удовольствием сама ходила и детей водила. Рядом у нас нет киргизских школ, а в соседние районы детей некому водить.

В Александровке – только пять киргизских семей, а в школах все предметы преподают на русском языке. Изучению киргизского отведено лишь 2 часа в неделю.

Из магазина Фатимы выходят мальчишки, весело облизывая мороженое. Как оказалось незнание киргизского языка создает препятствие не только в карьере, но и барьер в общении между местными подростками.

– Бывает, конечно, такое, подойдут к нам и скажут: "Ты дунганин! Чо ты здесь делаешь? На чьей земле?". Стараемся словами все разрешить. Есть, конечно, агрессивные, которые начинают: "чего ты трогаешь!". Ну и там дальше ссоры, драки ... Это в основном между молодежью. В Сокулукке [соседнее село Александровки] одному ходить нельзя, если ты дунганин.

Минут через десять встречаем скромно одетую девочку Айпери. Она не знает русский язык и говорит с нами на киргизском.

– В школу я езжу на маршрутке в соседнее село Беловодское, потому что, здесь все школы русская-

зычные. Я ни с кем не общаюсь и не разговариваю. Местные девочки не угрожают, не бьют, просто смеются, потому что я не могу хорошо одеваться, не знаю русский и живу в ветхом доме.

Ее семья приехала из Джалал-Абада в село зарабатывать деньги. Живут они в однокомнатном доме барачного типа.

– Хочу вернуться домой. Там есть узбеки, например, но они нас так не делят, я только здесь узнала, что такое бывает, – признается Айпери.

– Понимаете, Александровка – зажиточное село, – объясняет вице-президент общественного объединения “Дунган” по молодежной политике Карим Ханджеза. – Поэтому, конечно есть проблема социального неравенства. Но это не единственная причина конфликтов. Большая проблема на сегодняшний день – незнание государственного языка. Межнациональные вопросы появляются в основном из-за этого, то есть подвыпивший, в нетрезвом состоянии подойдет, и докопается. Ты ему отвечаешь, и тут уже начинается: “почему ты не знаешь язык? ты живешь на нашей Родине, не уважаешь наш народ...”. И в результате этого собирается народ, очень много стычек бывает именно по этой причине.

Карим

По словам Карима Ханджеза подобные столкновения участились после ошских событий 2010 года, когда произошли межэтнические столкновения между кыргызами и узбеками на юге Кыргызстана. Это “подогрело” националистические настроения.

– На такие случаи, мы выезжаем с местными властями и начинаем решать вопрос на, так сказать, дипломатическом уровне. Садимся за стол переговоров, разбираемся, приглашаем аксакалов с разных сторон. И, в конце концов, приходим к мирному соглашению, – говорит он.

Что думают об этом представители власти? Мы отправились домой к Депутату Жогорку Кенеша и Президенту объединения дунган Кыргызстана Бахадыру Сулейменову.

– Когда молодежь ничем не занимается, начинают все эти межнациональные вопросы, подстрекательства. Не все могут учиться, а те, кто все-таки закончил школу, часто не имеют работы. Когда молодежь не занята, эта проблема всегда у нас будет.

Незнание языка не повод для выяснения отношений, считает депутат, но соглашается что это большая проблема.

– Если мы, дунгане, и другие национальности проживающие здесь, знали бы государственный язык, тогда и проблем было бы меньше. Мы не можем полностью интегрироваться в кыргызское общество без языка. А ведь мы граждане Кыргызстана! В свою очередь, государство должно уделить этому внимание, создать базу, чтобы учили детей на кыргызском и в школах, и в садах. Вот президент подписал указ “О регулировании и совершенствовании государственного языка” и сейчас должна быть создана рабочая группа, которая все это проработает.

Карим Ханджеза из общественного объединения “Дунган”:

– Мы поднимали этот вопрос еще с Розой Отунбаевой, когда она была президентом. Тогда она сама сказала, что это не вина народа [незнание кыргызского], это вина государства, потому что у нас специалистов по преподаванию государственного языка можно сосчитать по пальцам. Я вообще предлагаю все школы перевести на кыргызский язык прямо с первого класса, как бы это сложно не было. Потому что малышей мы еще сможем вытащить, а вот 7-8 классы уже нет.

Бешбармак + Ци = любовь

У депутата Бахадыра Сулейменова семья интернациональная: он дунганин, жена Эльмира – кыр-

гызка. Эльмира уверяет: “Никогда ни его родители, ни мои на этом внимание не акцентировали. Бывают у нас проблемы, как у всех семей. Но на межнациональные – никогда. Когда мы едем к его родственникам в Тараз, все они разговаривают и на дунганском, и на кыргызском, и на казахском, и на русском. Его мама говорит на чистейшем кыргызском языке”.

Депутат и семья

– Мы знаем все кыргызские обычаи. На всех семейных встречах половину блюд делаем кыргызские, например, бешбармак, а половину – дунганские, – добавляет Бахадыр.

В подтверждении своих слов депутат проводит небольшую экскурсию по квартире, где практически все – кыргызское, начиная с большого флага в гостиной. Только небольшая библиотека – на дунганском языке.

– Эта картина – моя самая любимая. Тучи, старая дырявая юрта, худые лошади. Когда-то и я так бедно жил. А потом вдруг лучи солнца из-за туч. Понимаете? Я бедно жил, в бедной семье и вдруг лучи солнца, которые дают знак: “будешь хорошо жить”, “Бог тебе даст”...

Своего сына депутат старается воспитывать в духе интернационализма. Правда пока 11-летний Нурмухамад знает только русский язык. Но этой осенью он будет поступать в турецкий лицей, где его будут обучать кыргызскому, турецкому и

английскому языкам. А на летние каникулы родители отправляют Нурмухамада к дунганскому дяде в Казахстан, чтобы, соответственно, учить дунганский.

А еще Нурмухамад ходит в музыкальную школу и играет на комузе.

“Мы думали и решили не отдавать его ни на гитару, ни на фортепиано, а именно на национальный инструмент. Дунганин, а играет на кыргызском инструменте”, – радуется Эльмира...

ЧУВСТВО СТРАХА ИСТОРИЯ ЖЕНЩИН.

Сурайе Хонова
Гульджахон Хамройбойзода

За одни сутки в Кыргызстане происходит 32 случая умыкания [похищение девушек для женитьбы], 6 девушек подвергаются насилию. По данным Центра помощи женщинам, за один год происходит около 11. 800 случаев умыкания и 2. 000 случаев изнасилования. И статистика растет. Расположенный в Бишкеке кризисный центр для женщин "Сезим" оказывает помощь беженкам и женщинам, пострадавшим от насилия и торговли людьми. В среднем ежегодно к ним обращается около 3 000 женщин.

Плач ребенка, звуки погремушек, неумолкающие звонки телефона. Решетки на дверях и окнах. У входа нас встречает координатор кризисного центра "Сезим" Виктория Тянь.

— Наш центр рассчитан на 20 человек, это женщины и их дети, остальные у нас на очереди, поскольку центр маленький, мы не можем разместить всех. У нас тут и психологическая поддержка, и юридическая и медицинская.

Официально "Сезим" работает с 1998 года. Начинали своими силами. Сняли квартиру в Бишкеке, подключили телефон доверия. Распространяли листовки с номером и адресом. Сегодня в центре работают 16 человек: это психологи, юристы, социальные работники и волонтеры. И почти все — со дня основания. Они и придумали название "Сезим", что в переводе с киргизского означает "Чувство".

Здесь скромно и уютно. В холле клиентки центра смотрят турецкий сериал "Любовь и наказание". Кто-то укладывает детей в одной из комнат с двухъярусными кроватями, кто-то готовит обед на кухне, кто-то идет за продуктами на склад. Здесь еще хранятся белье, подгузники и запасная одежда, ведь обычно женщины остаются тут на 3 недели.

— Если женщина, подвергшаяся насилию, не хочет дальше с нами взаимодействовать, мы ничего сделать не можем, просто некоторые хотят забыть то, что с ними было, как страшный сон. Так сложилось, есть такой стереотип, что удел женщины — терпение, чтобы ни случилось, всегда нужно молчать и терпеть, но терпению тоже приходит конец.

Гульнар 34 [имя изменено] года, но выглядит она как девочка — такая худенькая и маленькая. После "Сезима" она с тремя детьми отправится к своим родителям, к мужу больше не вернется.

— Он начал пить, потому что у него начались проблемы на работе, он работал в правоохранительных органах. Я ему говорила: ты не пей, возьми себя в руки, это не решение проблемы, и это ему не нравилось, и тогда он начал меня избивать. Я никому ничего не говорила и терпела все побои, у нас ведь были дети, я думала, он одумается, но с годами он вел себя все хуже и хуже. В последний раз он пришел в 2 часа ночи и начал меня избивать очень сильно, он бил так, что следы не оставались, но боль была жуткая, в ту ночь я шевельнуться не могла, позвонила сестре, она приехала и забрала меня. Наутро я пошла, написала заяв-

ление в милицию и решила прийти в кризисный центр. Он до сих пор не знает, что я тут, я боюсь, что он придет, и снова начнет бить меня.

Многие женщины попадают в "Сезим" через телефон доверия, который работает 24 часа в сутки без выходных. Это не специальный аппарат в специальной комнате. Каждый сотрудник центра носит с собой радиотелефон и готов дать консультацию. В среднем ежедневно раздается 6-7 звонков.

Иногда по телефону звонят и мужчины. Вероятно, увидев объявление про "Женский кризисный центр", они думают, что это место, где могут решить их интимные проблемы со своими женами. Специалисты "Сезима" не отказывают им в консультации.

Оживленная кафешка недалеко от "Сезима". Время обеда. Мужчины едят пиццу, пьют чай... Что они думают о проблеме насилия?

Кувватбек, 28 лет, таксист

— Сейчас девушки не выходят замуж по любви. Если даже ты страшный, но при этом богатый, то ты без жены не останешься. Мужчины, которые без денег и работы остаются в стороне, наверное, они и идут на этот шаг. В основном насильники — это люди, которые приезжают из сел, приедут, напьются и не соображают, что делают, вот так и происходят изнасилования. Мужчины чаще всего бьют жен из-за недопонимания. Некоторые мужчины не работают, а жены начинают действовать им на нервы, и они срываются и бьют жен. Зачастую женщины боятся обращаться в кризисные центры и правоохранительные органы, потому что ничего не изменится, никого не посадят.

Азат, 26 лет, сантехник

— У нас в стране не работают никакие законы, люди не боятся последствий, система вообще никакая. Наши депутаты и другие чиновники, что хотят, то и делают, и при этом не отвечают перед законом. Поэтому и насилия стало больше, женщины не боятся обращаться за помощью, но они просто не знают, куда и как обращаться, нет достаточной информации о кризисных центрах. И потом, у нас же менталитет такой, в чужую семью никто не лезет, каждый сам разбирается, даже если там насилие. Чтобы количество случаев насилия уменьшилось, необходимо принять ряд жестких законов.

Султан, 36 лет, частный предприниматель

— Количество насилия у нас в Кыргызстане всегда было высоким, сложилось такое отношение к женщине. Определенная часть населения не

учится, не работает. Конечно, из-за этого люди не понимают, что можно, а чего нельзя. В милиции, когда обращаются изнасилованные женщины, милиционеры начинают посмеиваться и ведут себя так, что людям становится стыдно, сам не раз видел. Необходимо патрулировать улицы и все контролировать во избежание таких случаев, у нас есть патрульные машины, но они почему-то работают как ГАИ.

Азамат, 29 лет, приезжий

— Моральный уровень населения низкий, вот и совершаются необдуманные поступки вроде насилия. Мы же мусульманская страна, вот и при совершении акта насилия над женщиной надо молчать. Много пишут о том, что нужно казнить и кастрировать насильников, но мы же не в средних веках живем, нужно по-человечески привлекать к уголовной ответственности и вести пропаганду в защиту женщин.

После центра, где женщины проходят трехнедельную реабилитацию, в самых тяжелых случаях, они могут переехать в транзитный дом "Сезима". Максимальный срок пребывания здесь — 6 месяцев, в течение которых они предоставлены полностью сами себе.

Но Людмила со своей дочкой Евгенией [имена изменены] живет в транзитном доме уже третий год.

— Я ребенка своего боюсь оставлять с отцом. Ему ни в коем случае нельзя отдавать девочку. Отец домогался моей дочки, сексуального рода действия проводил. Это все подтвердила экспертиза, но от того что свидетелей не было, и это чисто слова ребенка, ничего доказать не удалось. Психолого-психиатрическая экспертиза у нас в стране не признается. Получается так, что государство поддерживает мужа, а не меня. Со всех сторон давят на меня, требуют отдать девочку отцу. Вот уже три года я бьюсь, хочу, чтобы уголовное дело против него возбудили, но ничего не добилась. Ведь он подполковник милиции!

Людмила сидит напротив, рассказывает и начинает плакать. Первый раз она ушла от мужа, потому что он ее жестоко избил, проткнув вилкой руку.

— Женя была со мной, но заболела ветрянкой, и ей нельзя было тут находиться. Я хотела ее к маме отвести, но муж был категорически против, сказал, что сам будет за ней ухаживать. Когда мне все-таки удалось ее вернуть к себе в "Сезим", я начала замечать, что с девочкой творится что-то странное, она боялась купаться в ванной, ужасалась, когда ее заворачивали в полотенце. Я ей напрямую задала вопрос, говорю: "Папа на тебя

ложился?" Она отвечает: " Да, ложился", и стала рассказывать, что и как папа с ней делал. Я не знала, что делать, верить – не верить. Мы провели экспертизу с психологом, и он подтвердил, что это 100% насилие, сомнений нет. Мужа надо сажать, я буду бороться до конца, вечно в страхе мы жить не можем.

Чтобы помочь пережить страшные моменты в жизни женщин, в центрах проводятся тренинги и терапии: "арт-терапия", "сказка-терапия", "танцы-терапия". Здесь есть фильмотека и караоке, женщины поют, смотрят фильмы, обсуждают их, говорят о своих чувствах и эмоциях.

– Женщины все разные, но хотят они одного – решения своей проблемы, – говорит Виктория Тянь. – Бывали случаи, когда женщины хотели покончить жизнь самоубийством. Мы работаем над этим, проводим тренинги и внушаем женщинам, что они нужны, что они талантливы, и таким образом повышаем самооценку.

Здание реабилитационного центра хорошо охраняется: решетки на окнах и дверях, установлены камеры, есть "кнопка тревоги". Она нужна в случае, если мужа пострадавших женщин устроят скандал. Тогда приезжает оперативная группа с автоматами и забирает их в отделение.

Именно поэтому в целях безопасности "Сезим" публикует только номер телефона доверия и адрес головного офиса. Адреса домов-прибежищ – должны оставаться в секрете, чтобы жертвы насилия не испытывали чувство страха, чтобы к ним вернулось "тынчтык сезими", с кыргызского – чувство спокойствия.

*Контактная информация
Кризисный центр "Сезим"
г. Бишкек ул. Токтогула 181
Телефон: (0312) 312909
Электронная почта: sezim2008@gmail.com
Сайт: <http://www.sezim.web.kg>*

ВИЧ-ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ – НЕ ПРИГОВОР

Евгений Погребняк
Алена Хван

В Кыргызстане почти 5 тысяч ВИЧ-инфицированных. Большинство из них заболело, принимая наркотики. Медицинскую помощь эти люди, в частности, могут получить в реабилитационном центре "Матрица" в Бишкеке.

Серый одноэтажный дом на перекрестке улиц Матросова-Джантошева. Стучимся в дверь. На пороге появляется молодой сутулый мужчина лет 35-ти и приглашает войти.

На секунду дом оживает. Одни с любопытством выглядывают из комнат, другие, наоборот, прячутся в них.

Молодой человек, пригласивший нас в дом, предпочитает скрыть свое настоящее имя. Назовем его Андреем.

– Когда узнал о диагнозе ВИЧ-инфицированный, если честно, просто хотел повеситься. Это был сильный шок. Думал, что жизнь закончилась и ничего больше не надо.

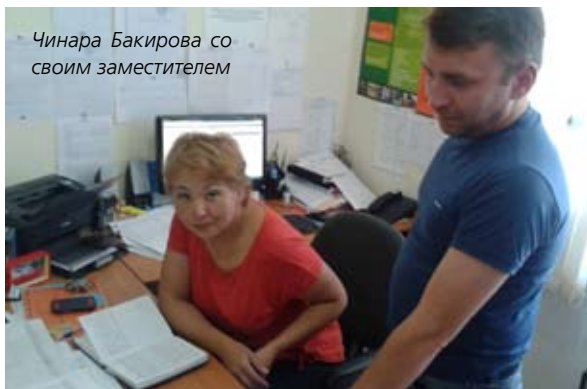
Раньше, говорит Андрей, кроме наркотиков, его тоже ничего не интересовало. Работал на стройке, сильно уставал. Вечером собирались с друзьями, выпивали и баловались легкими наркотиками.

– Первый раз наркотики предложил сосед. Раньше ничего не замечал, целый день искал деньги, потом идешь к этому барыге и покупаешь наркотик. Любому наркоману так, ему только уколоться, чтоб не болеть. Постепенно я впал в наркозависимость и больше не мог остановиться. Была постоянная боязнь, как бы опера не нагрянула, говорит Андрей, опустив глаза.

За хранение наркотиков его неоднократно задерживала милиция.

– В 2000 году, когда меня в очередной раз посадили, мы в камере кололи себе наркотики. Один не сознался, что у него СПИД, иголка была всего одна и в результате все 10 человек в камере заразились

Близкие и жена от Андрея не отвернулись.

Чинара Бакирова со своим заместителем

Елена

Рисунки во дворе Центра

Андрей в комнате отдыха

– Моя семья меня очень поддерживает, если бы не они, я бы, наверное, опять сидел за решеткой в “темнице сырой”. Семья дала мне надежду на новую жизнь. Слава богу, держусь, наркоту не употребляю, веду здоровый образ жизни.

Андрей на секунду задумывается, потом говорит:

– В последнее время наслаждаюсь жизнью. Стараюсь делать добрые дела, помогать людям. Если ко мне обращаются за помощью, я никому не отказываю. Могу совет дать. ВИЧ-положительный – не приговор. Все мы равны.

“Помогаем найти работу, консультируем”

Изменить жизнь Андрею помогли в реабилитационном центре “Матрица” для ВИЧ-положительных. Центр может приютить 12 человек. Жить здесь они имеют право один месяц. За это время юристы центра помогут восстановить документы, психологи помогут адаптироваться, интегрироваться в общество, социальные работники сопровождают на медицинское обследование. Жители центра знакомятся, находят друзей. Одни рисуют картины, другие ухаживают за собаками, третьи готовят обеды и ужины.

– Наш центр открылся в 2011 году. Мы хотим помочь людям, которые принимают наркотики, имеют ВИЧ-статус. Помогаем найти работу, – говорит Светлана Ковалицкая, директор реабилитационного центра “Матрица”. В центре работают 7 человек. Медицинские работники оказывают первую медицинскую помощь, выезжают на дом. Больные получают консультации, как правильно питаться, держать диету. Некоторые приходят только постираться, помыться. У нас есть группы самопомощи, где они поддерживают друг друга.

Андрея в реабилитационный центр привел хороший знакомый. Сначала он, как и все посетители центра, проходил лечение. Потом директор “Матрицы” Светлана Ковалицкая предложила ему работу.

– Консультирую людей, которые недавно заболели, и тех, кто давно живет с ВИЧ. Поддерживаю их морально, – говорит Андрей.

Среди тех, кто нуждается в помощи, и 47-летний Абдугани. Абдугани жил в Казахстане, работал водителем. В 2008 году приехал в Бишкек в гости, купил телефон. Телефон оказался краденным, Абдугани дали 5 лет тюрьмы. В колонии наркозависимый мужчина заразился ВИЧ.

– В тюрьме я тоже принимал наркотики, иголок не хватало, кто-то не сознался, что он болен.

– Как вы отреагировали, когда узнали о ВИЧ?

– Спокойно отнесся, как к обычной болезни. Просто старался не заразить других. Я открыто говорил о своем диагнозе, чтобы все заранее знали. Сокамерники относились к этому с пониманием. Употреблять наркотики бросил примерно год назад.

– Что вас привело в реабилитационный центр?

– Паспорт у меня казахстанский уже просрочен в 2011 году. Денег у меня нет, поэтому пришел в Центр, чтобы хотя бы восстановить документы, найти работу.

“Обидно, конечно, но что поделаешь”

В центре “Матрица” ВИЧ-положительные люди чувствуют себя уютно и защищенно. За его пределами ощущают на себе предвзятое отношение.

– Врачи ко мне относятся с предубеждением, в открытую это не говорят, но понимаешь, – рассказывает 46-летняя Елена, жительница Оша, которая сейчас также находится в центре “Матрица”. Обидно конечно, но что поделаешь. Если человек приходит в больницу один, то его начинают “футболить”, говорят: да у тебя все нормально, иди домой. А когда ты приходишь не один и они видят, что за тобой стоят НПО, они начинают побаиваться и вынуждены принять больного. Иногда в больнице приходилось слышать: “ВИЧ-инфицированная идет, берегитесь!”. Ош – маленький город, стоит человеку прийти на процедуры, половина махалли знает, что он ВИЧ-инфицированный.

Елене удалось противостоять предрассудкам. У нее появился любимый человек и предложил выйти за него замуж. Она пока думает.

“Человек, заболевший ВИЧ, может жить долгой и полноценной жизнью”

Чинара Бакирова, исполнительный директор Ассоциации “Анти-СПИД”, утверждает, что в Кыргызстане из-за предрассудков и халатности врачей страдают ВИЧ-инфицированные люди.

– Нам часто жалуются, что в клиниках к ним по-хамски относятся, гнушаются разговаривать с ними. После таких случаев больные не хотят возвращаться и продолжать лечение. Нам приходится уговаривать людей, чтобы они не обращали на это внимание и продолжали профилактику.

В Кыргызстане созданы все условия для оказания помощи ВИЧ-положительным людям, считает Лерон Сайдашев, врач отдела освидетельствования Республиканского центра “СПИД”.

– У нас имеются все необходимые лекарства, донорские организации финансируют закупку всех этих дорогостоящих препаратов. Тот, кто приходит к нам, получает своевременное лечение.

Человек, заболевший ВИЧ, может жить долгой и полноценной жизнью. Поддержка со стороны неправительственных организаций важна, без их помощи они прятались бы. Там с ними проводят разъяснительные беседы и убеждают встать на учет.

По данным Республиканского Центра “СПИД”, на август 2013 года в Кыргызстане зарегистрировано 4696 ВИЧ-инфицированных. Мужчин – 3274, женщин – 1422. За последние пять лет количество ВИЧ-инфицированных увеличилось в 1,3 раза.

Случаи ВИЧ-инфекции встречаются во всех регионах республики. Наибольшее число зарегистрировано в Чуйской и Ошской областях, в городах Бишкек и Ош.

Все столицы в Центральной Азии имеют свои зоопарки. Но не Бишкек. Единственный зоопарк Кыргызстана находится на южном берегу Иссык-Куля, в городе Каракол. Сегодня он переживает не лучшие времена.

Кругом тишина. За старыми ограждениями животные тихо передвигаются из одного угла в другой. Медведи под жарким солнцем ищут прохладу в тесном вольере, рысь жадно поедает сырую кожу курицы, белые лебеди плавают в мутном пруду. Пол Листер, основатель британской организации по охране окружающей среды The European nature trust (TENT), прогуливаясь по зоопарку, не может смотреть на животных без жалости.

— Почему люди делают это? Звери здесь несчастны, это очевидно. Они мечутся в маленьких ограждениях. Люди должны заниматься сохранением животных, а не устраивать из этого шоу. А что если создать зоопарк людей: здесь будут англичане, через 5 метров — австралийцы, еще через метр — китайцы. Они будут счастливы? Раз не могут организовать нормальное существование животным, зачем создали зоопарк? Закройте его! — возмущается Пол.

С его мнением согласны туристы из Австралии.

— Да, точно, животные здесь несчастны. К примеру, медведям очень жарко, им нужно большое пространство. Вольеры очень маленькие. Вся территория этого зоопарка как один австралийский вольер. У нас на каждое животное приходится от 15 до 30 кв. метров.

Смотрители зоопарка, которые в этот момент distraивают ограждение, не видят больших проблем: — Животные в хороших условиях. Они просто с виду грустные, а так нормально все!

Ольга Лагуточкина работает в зоопарке со дня основания. Она в одном лице и бухгалтер и продащица билетов.

— Бывали случаи, когда мы из дома корм приносили. А в прошлом году нам хорошо помогло Агентство по охране окружающей среды, и кормами мы обеспечены. За последние годы и посещаемость повысилась на 50%, особенно с тех пор как привезли новых животных из Алматы.

— И все-таки, — признается нам Ольга, — проблемы есть. В 2002 году зоопарк под свою опеку взяли немецкая организация НАБУ, обещали нам очень многое: содержать животных, расширить вольеры, повысить сотрудникам зарплату. Ждали мы, ждали, но в результате денег хватало только на корм и маленькую зарплату. На строительство и ремонт не было никаких денег.

Каракольский зоопарк был основан в 1987 году и после распада Союза остался не достроенным. В годы СССР зоопарк был муниципальным имуществом Каракола. С 2002 года немецкая организация НАБУ по просьбе кыргызского и германского правительств финансово поддерживает зоопарк. В течение 11 лет NABU Германии выделило около 300 тысяч евро.

По словам директора Каракольского зоопарка Салтанат Сеитовой, НАБУ прекращают свое фи-

нансирование с сентября 2013 года. 3 года назад было создано кыргызское общественное объединение с одноименным названием НАБУ, которому сегодня принадлежит зоопарк.

– Мы улучшали и развивали зоопарк своими силами, а немецкому НАБУ это не нравилось. Хотя мы и считаемся партнерами, но они на нас “давили”, всегда угрожали тем, что прекратят финансирование, закроют. По договору немцы должны развивать зоопарк, находить новых инвесторов, но они не выполнили это. Ну ладно, 10 лет они нам помогали как-то, худо-бедно кормили, это нельзя забывать. Но я за справедливость! – возмущается директор. По ее словам, выделенных с немецкой стороны денег не хватает.

– Они дают нам 3 тысячи евро в месяц, туда входит зарплата людей и питание животных. Сейчас у нас корма подорожали, если на их деньги надеяться, то звери наши будут ходить полуголодными. В зоопарке всего 34 вида животных и 138 особей. Вольеры все советских времен, они уже пришли в упадок, мы их немного своими силами подремонтировали, – говорит Салтанат.

Чтобы узнать, почему немецкая организация прекратила финансирование, мы обратились NABU к Аннике Натус, референту по международной общественной работе и СМИ.

– Задачей NABU не являлось долгосрочно поддерживать зоопарки, а в Караколе содержатся не только дикие животные. Поэтому президиум NABU в 2011 году решил с 2014 года финансово поддерживать только животных, занесенных в Красную книгу или поступивших в зоопарк ранеными, – ответила нам Анника. – Таким образом, в долгосрочной перспективе мы будем финансировать превращение Каракольского зоопарка в Центр приема животных, которым что-то угрожает.

В этом году зоопарк поддерживает Государственное агентство по охране окружающей среды Кыргызстана.

Руслан Кожобаев, исполнительный директор Республиканского фонда охраны природы и развития лесной отрасли:

– В этом году на приобретение корма мы выделили 605 тысяч сомов на квартал. Это все по расчетам зоопарка. Сколько просили, столько и выделяем. По следующему году пока решение не принято. Но в планах заложено около 2,5 млн сомов на 2014 год.

Директор зоопарка говорит: “Корма – это очень хорошо, но чтобы удержать нынешнее состояние,

Пол Листер

Салтанат Сеитова

на питание и текущие расходы нам требуется около 5 миллионов сомов в год. Сюда я не вкладываю постройку новых вольеров. А штат вместе со мной – 14 человек. Зарплата у рабочих от 3 до 7 тыс. сомов. Если бы нашли спонсоров, мы могли бы повесить им зарплату”.

На городские власти Каракола Салтанат Сеитова больше не надеется, “нет толку” – говорит она.

Мы заехали в администрацию Каракола и встретились с мэром Рыскулом Калыгуловым. По его словам, городской бюджет составляет 140 миллионов, около 70% из которых уходит в отдел образования. Но мэр готов оказать свою помощь.

– Конечно, мы эту ситуацию так не оставим, я сам хотел встретиться с директором зоопарка, выслушать ее мнение, а потом обратиться в кенеш. Планирую сделать это в сентябре, потому что сейчас у меня очень много работы.

Финансирование уникального места из разных источников – вполне цивилизованная практика. Возможно, вопрос каракольского зоопарка – это, прежде всего, вопрос открытого диалога между всеми заинтересованными сторонами?

Вот только животные вряд ли смогут прийти за стол переговоров. Пока лошадь Пржевальского грустно смотрит на нас из вольера. Наверное, она подслушала наш разговор с иностранцами и теперь тихо завидует кенгуру и тасманийским дьяволам, которые вольготно разгуливают по просторным вольерам австралийских зоопарков в неведомом ей южном полушарии планеты...

МЕСЯЦ НА ШАНС

Сурайе Хонова
Богдана Опарина
Илья Каримджанов

Сколько женщин находится в тюрьмах Кыргызстана, неизвестно. Государственная служба исполнения наказаний эту цифру не оглашает. Но известно, что только за последние пять лет через Общественный фонд "Астерия", занимающийся поддержкой бывших заключенных, прошло 1200 женщин.

Сложно представить, что в этом полуразрушенном домишке на улице Абая могут жить восемь женщин. Сейчас они сидят во дворе, разговаривают, курят. Над ними – веревки с бельем и детской одеждой. Время от времени кто-то из них идет на маленькую кухню, чтобы помешать овощное рагу, которое готовится в казане.

"Это общежитие основано женщинами, которые раньше употребляли наркотики, для таких же, как и они, женщин и их детей. Здесь действует принцип "равный – равному". Они попадают к нам через знакомых, которые уже получали тут помощь, женские колонии к нам их отправляют, иногда милиция. У нас центр адаптации, социализации, но не реабилитации", – говорит директор центра "Астерия" Ирена Ермолова.

В течение месяца женщины получают в центре медицинские услуги, крышу над головой, юридическую поддержку. Кто они? Бывшие наркоманы, проститутки, ВИЧ-инфицированные и заключенные. Одна из них – Наташа.

– Я употребляла наркотики, для того чтобы их достать, мне нужны были финансы. Я воровала, лазила по карманам, занималась проституцией, чтобы купить себе дозу.

Из своих тридцати шести лет Наташа отсидела семь. Здесь, в "Астерии", ей помогают восстановить утерянный паспорт и лечат от миомы.

– Мама ко мне и в тюрьму ездила и на зону приезжала, но в последний раз ее не было, ни на суде, нигде. Она меня предупреждала, сказала: "Наташа, еще раз попадешь – извини, все, я устала". Когда я сейчас захожу домой, она смотрит мне в глаза и пытается в них что-то прочесть. То есть раскумаренные они у меня или нет. Сейчас у нас почти нет отношений. Так что ничего хорошего не дает тюрьма (смеется). "Говорила

мне мама: не воруй", – цитирует Наташа старую блатную песню, нервно затягивается сигаретой и стряхивает пепел в банку из-под кофе.

У нее двое детей, которые живут с бабушкой: старшему сыну – 19 лет, младшей дочке три года. Когда Наташа говорит о детях, на ее глаза наворачиваются слезы.

– Сын занимается спортом. Ему не до наркотиков. От моей наркозависимости у него образовалась астма. Он скоро собирается жениться. Невеста очень хорошая девочка: не пьет, не курит. Сейчас хочу немного заработать и сделать им подарок на свадьбу. Когда восстановлю документы, смогу устроиться на работу и забрать к себе дочку. Я не хочу, чтобы мой трехлетний ребенок видел меня со шприцом в руках, пусть лучше она видит, как я ей готовлю кушать.

Сейчас Наташа старается не употреблять наркотики, но честно признается, что все еще зависима. По-крайней мере, в "Астерии" у нее есть месяц. Месяц на шанс изменить свою жизнь.

Контактная информация:

Адрес Общественного фонда "Астерия":

Кыргызстан, г. Бишкек, ул. Абая 65,

Блог на сайте kloop.kg: <http://asteria.kloop.kg/o-nas/>

Электронная почта: asteria07@rambler.ru

Телефон: (0555) 816713

БЕЗДОМНЫЕ СОБАКИ БИШКЕКА — ПУЛЯ ИЛИ СТЕРИЛИЗАЦИЯ?

Евгений Погребняк
Гулиза Суванова

В городе живут десятки тысяч безнадзорных животных, они голодают и мешают горожанам. Муниципальные службы ведут отстрел собак, однако защитники животных утверждают, что такой способ бесполезен.

Сотрудница фонда “Право на жизнь” Алла Кобцова ведет нас по свежевымытому длинному коридору, открывает последнюю дверь и знакомит: “Это Роза. Она появилась у нас неделю назад, ее сильно ранили. Видите, какой глубокий порез на спине? Бедняжку не пожалели, а ведь у нее было 10 щенят”.

Роза – обычная дворняга, увидев незнакомцев, дрожит и забивается в угол. Она жила в микрорайоне “Аламедин”, из 10-ти щенят – шесть раздали в хорошие руки, одного сбила машина, один утонул, один бесследно исчез, а последний живет с мамой в приюте. “За ней ухаживали местные жители, прикармливали”, – говорит Людмила Лаптева, жительница дома, возле которого обитала собака. Нравнодушная женщина, увидев что случилось с собакой, связалась с сотрудниками Фонда и попросила оказать ей помощь. По словам Людмилы, у нее самой несколько кошек и собак: “Бездомных животных я тоже люблю, стараюсь заботиться о них, эту собаку все любили, она стала своей”.

– Мы приехали и забрали Розу, лечим ее, рана оказалась не смертельной, и она скоро поправится. Если собаку никто не возьмет, то после стерилизации мы вернем ее во двор в “Аламедин”. Она будет по-прежнему бездомной, но уже стерилизованной, – говорит Алла.

Общественный Фонд помощи бездомным животным уже второй год занимается лечением и стерилизацией бездомных собак и по возможности пристраивает их в хорошие руки. Фонд существует на пожертвования частных спонсоров, сотрудники (около 20 человек) работают на волонтерской основе.

Здание, которое фактически выполняет роль больницы и временного приюта для собак, находится в пристройке Ветеринарного института, студенты которого помогают ухаживать за животными и одновременно учатся их лечить. На момент нашего визита в центр там было 30 собак.

По оценкам Аллы, которая в обычной жизни является экономистом-маркетологом, в Бишкеке насчитывается около 30 тысяч бездомных и 100 тысяч безнадзорных собак.

– Мы сами не собираем собак в городе, неравнодушные люди сами звонят нам и просят забрать их. Наши контакты узнают по социальным сетям и объявлениям в ветеринарных клиниках, говорит глава Фонда Ольга Рахманова.

– Вот, пожалуйста, собака, – Ольга показывает на крупную овчарку-азиата, которая кому-то прослужила 12 лет, а теперь ее выбросили. Мы ему дали кличку Таш, что означает – камень, чтобы он был крепким и здоровым. У Таши повреждение нервной системы, из-за чего задние лапы у него почти не двигаются. Его выкинули на улице Жибек-Жолу, он увязался за людьми, они позволили нам и попросили забрать.

Глава Фонда с возмущением рассказывает нам о предрассудках, которые есть у некоторых людей в отношении стерилизации и усыпления животных.

– Люди выбрасывают животных на улицу, часто на верную гибель, но при этом говорят, что стерилизация собак или усыпление – это грех, а вот выкинуть щенков или котят в канаву, это, получается, не грех.

Часто сотрудники Фонда берут собак из питомника к себе домой, у Аллы, например, их сейчас тринадцать. Некоторым удастся найти новых хозяев, и они становятся обычными домашними питомцами.

Сотрудники “Права на жизнь” предлагают свой способ решения проблемы, ссылаясь на “международный опыт”.

– Вначале нужно провести массовую стерилизацию бездомных собак. Затем, как в Европе, ввести налог на самок, не важно, собак или кошек, способных к воспроизводству, а также ввести чипирование, чтобы, когда ты выкинешь свое животное, тебя по этому чипу нашли бы и вклепили огромный штраф. А также штрафы за свободное перемещение животных без хозяина. Плюс пропаганда, мы постоянно ведем пропаганду, правда, наших сил не достаточно. Но до принятия этих законов нужно обязательно, чтобы государство создало условия для бесплатной стерилизации домашних животных, иначе, если такой налог введут на самок, а возможности для стерилизации не будет, то их просто выкинут на улицу и город захлебнется в них и вся эта инициатива пойдет во вред”.

Стоимость одной стерилизации собаки составляет от 800 до 2000 сомов, сумма зависит от размера животного.

МП “Тазалык” – за отстрел, но не против стерилизации

После посещения Фонда мы отправляемся в муниципальное предприятие “Тазалык”. К нам на встречу выходит глава отдела по отстрелу бродячих животных Болот Койкельдиев, после длительного распроса о цели визита он начинает пояснять ситуацию в Бишкеке с бездомными животными.

– В городе 47 новостроек, в каждой новостройке находится несколько тысяч домов. Всего более ста тысяч безнадзорных собак. У нас на сегодняшний день имеется более 700 заявок. Заявки поступают в диспетчерскую, они нам сообщают, мы выезжаем и отстреливаем или отлавливаем животных. Отловленных тоже утилизируем. Кроме собак, это кошки, бараны, коровы, свиньи. Вот недавно из 3-го микрорайона поступила заявка: две овчарки напали на девочку и покусали ее. Мы выехали и произвели отстрел собак. Собачьи укусы случаются каждый день, в основном это делают дворовые собаки, которые находятся без присмотра, – привел пример глава отдела “Тазалык”.

Болот Койкельдиев с плохо скрываемым раздражением объясняет, почему в Бишкеке так много собак.

– У нас люди не соблюдают правила содержания домашних животных, у нас менталитет другой. Человек не привязывает свою собаку во дворе. Уходит на работу и отпускает собаку. Мы в таких случаях говорим людям, что собаки без присмотра и без ошейника считаются беспризорными, и мы будем отстреливать их, потому что на них есть жалоба. Бездомных собак очень мало, в основном безнадзорные.

Согласно предоставленной “Тазалыком” статистике, в период с января по май 2013 года они подобрали, отловили и отстреляли более 5,5 тыс. больных и бродячих животных.

– Численность собак уменьшается или увеличивается?

– Это по-разному, в какое-то время меньше, в какое-то больше. Собаколову в среднем выдается 4,5 патрона, это на полчаса работы. Мы бы могли и больше отстреливать, но у нас недостаточно средств. Стоимость ликвидации одной собаки составляет 302 сома, а стерилизация в 4 раза дороже, – пояснил глава отдела.

– Ходят слухи, что в городе появились догхантеры, которые ведут охоту на собак, что вы о них знаете?

– С догхантерами я не встречался, слышал, что их иногда задерживает милиция. Они стреляли или увозили собак, зачем, неизвестно. Лично с ними не был знаком.

Конфликт “Тазалыка” с “Правом на жизнь”

– Как появился этот Фонд, так и поднялся шум про все это [отстрел животных], а до этого было тихо-мирно. Теперь же про нас говорят, что мы ездим по городу и стреляем в животных на глазах детей, как будто я не знаю, кто мы. Пусть закроют нас, и посмотрим, что будет? И отстреливаем мы животных рано утром или поздно вечером, когда людей на улицах минимальное количество. Единственное исключение, когда собака нападает на человека, если она бешенная, то здесь выхода нет”, – говорит разгоряченный Койкельдиев.

Немного успокоившись, он продолжает: “Знаете, я ведь тоже дома собак держу. У меня их шесть – 2 больших алабая и 4 мелких. Часто люди не в силах ухаживать за своими питомцами, бабушки, например, и они просят не убивать их, мне приходится забирать их домой. Но больше брать собак я не в состоянии, места для них уже нет.

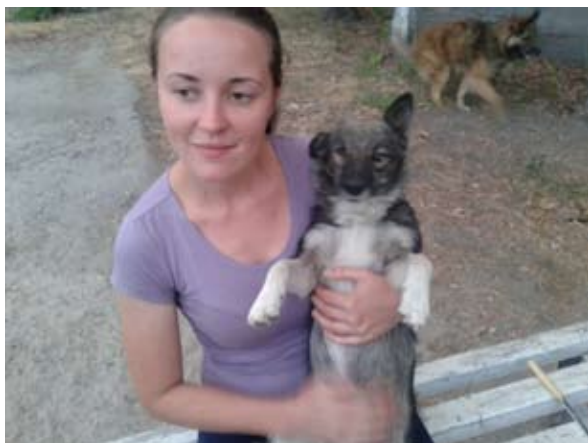
– Пусть собак стерилизуют, мы [Тазалык] не против, но, к сожалению это не решит всю проблему. Ведь собаки по-прежнему будут кусать людей, стерилизация от этого не защитит горожан.

– Мы в прошлом году встречались с фондом “Право на жизнь” на сессии в горкенеше, они не предоставили никакого конструктивного предложения, мы сами составили проект – построить питомник, сами посчитали, и вышла астрономическая сумма. У нас БОМЖей множество на улице есть, людям не могут помочь, а тут выделять такие деньги на собак. Сами подумайте, разумно ли это, что люди подумают”, – посчитал глава отдела.

Глава Фонда Ольга Рахмонова, в свою очередь, раскритиковала работу муниципального предприятия: “Они подходят к проблеме так, нужно что-то делать, вот они и делают “что-то”, муниципальное предприятия “Тазалык” занимается отстрелом собак в городе, но количество животных не уменьшается, наоборот, увеличивается. На место застреленных животных приходят новые, поэтому отстрел не работает”.

Ветеринары поддерживают стерилизацию

Виктория Куриноква, врач ветеринарной клиники “Самсон”, утверждает, что стерилизация по-

может сократить численность беспризорных животных в Бишкеке.

– Мы давно уже, лет 10 назад, начали сотрудничать с международной организацией WSPA (Всемирное общество защиты животных), которая внедряет в разных странах стерилизацию животных. Они нам много чего полезного рассказали, когда этому еще не придавалось большого значения, мы стали это поддерживать. Мы видим, как много становится бездомных животных, каждое лето бум котят, щенят, они страдают и умирают на улице на глазах у людей.

– Стерилизацию поддерживаем, природа устроена так, что пустым место в городе не будет. Это тоже, так сказать, зона обитания животных, которые всегда будут жить с человеком. Поэтому, если в каком-то квартале уничтожить всех кошек и собак, то появятся крысы, вслед за крысами придут другие кошки и собаки. Единственный разумный метод, который используют, например, в Европе, это контроль популяции бездомных животных, но у них есть большие ресурсы, чтобы реализовывать такую программу.

– Почему Вы против отстрела животных?

– Во-первых, это не эффективно, а во-вторых, это не гуманно. На наш взгляд, это абсолютно бессмысленное мероприятие. У нас сначала не ценится жизнь собаки, потом щенка, котенка, потом животное, которое жило рядом, выкидывают на улицу. Эта норма жестокости, которая приходит к нам, людям.

– А что делать с собаками, которые бросаются на людей?

– Каждый случай индивидуален. Есть собаки, которые получили жестокость от людей, но когда животное отлавливают, после реабилитации и стерилизации животное становится добрым и об-

щительным, – отвечала Виктория, явно уклонившись от прямого ответа.

– У Вас были случаи, когда к Вам в клинику привозили животных, которых отстреливали, но они выжили?

– Да конечно, у нас было много случаев, когда к нам в клинику привозили раненых животных, у них были пулевые ранения в туловища, с раздробленными конечностями, с осколками. Их приводят к нам обычные люди. Бишкекские догхантеры уничтожают животных, вплоть до того, что идет мужчина с немецкой овчаркой без поводка в двух метрах от хозяина, подъезжает машина, стреляет и уезжает. Они считают себя некими такими освободителями, которые очищают город от собак. Это делает не “Тазалык”, а неизвестные личности.

Дворнягу Розу ждут в ее дворе

Татьяна, которая заботилась о Розе до ее ранения, каждый день звонит сотрудникам Фонда и следит за судьбой Розы. Она говорит, что жители дома ждут возвращения их собаки.

“Ее во дворе все любят, даже дети ухаживали за ней. Эта собака появилась у нас год назад и осталась. Каждый день кормили и ухаживали. В тот злополучный день, когда Розу ранили, я пришла с работы вечером где-то в 7 часов, поиграла с ее щенятами, сказала, что через 2 часа покормлю, а когда вернулась с едой, ее, бедную, за это время уже порезали. Мы до сих пор не знаем, кто это мог сделать”, – сказала “куратор” бездомной собаки.

Ветеринар, который следит за здоровьем собаки в Фонде, говорит, что собака будет здорова примерно через месяц и, пройдя стерилизацию, вместе со своим щенком вернется обратно.

Звонок в Мэрию

В пресс-службе мэрии Бишкека по телефону сообщили, что у города нет средств на приют для бездомных животных.

“Мы ищем спонсоров, стоимость постройки приюта слишком велика, чтобы городской бюджет мог себе это позволить. Если нам удастся найти инвестора, то приют будет построен, но пока это все в планах”, – сообщила пресс-секретарь.

ЭТО ГОРДОЕ ИМЯ KG

Евгений Погребняк
Илья Каримджанов

В Кыргызстане цена национального домена в несколько раз выше по сравнению с соседями. Недовольные пользователи винят в этом компанию-регистратора. Сам монополист хранит молчание.

Имя сайта (доменное имя) в зоне KG еще 4 года назад стоило 100 долларов. Падение цены в два раза произошло в 2009 году, когда тогдашний глава Государственной службы интеллектуальной собственности Улан Мелисбек выступил против высоких цен. Он утверждает, что конфликт с компанией "АзияИнфо", завершился для него отставкой и изгнанием из страны.

В социальной сети Facebookе существует группа "Кирнет", в которой обсуждают проблемы развития интернета в Кыргызстане.

— Интересно, сколько еще лет барыги из "АзияИнфо" будут банчить доменами за 50\$? — пишет администратор группы Михаил Агеев.

— Мне кажется, что проще в таком случае ".com" домен зарегистрировать, чем ".kg", и это более чем странно, — отвечает участник группы Юлия Эллодия.

Участники группы не одиноки в своем недовольстве. Аскар Жумабеков, юрист и активный пользователь интернета из Джалал-Абада, пожаловался нам по телефону:

— Это слишком дорогая цена — 50 долларов, нужно снизить в несколько раз, чтобы цена была доступна для обычных людей, а не только для бизнесменов. Наш домен KG просто обязан быть дешевым и доступным для кыргызстанцев. Я бы сам открыл свой юридический сайт именно с таким доменом, но цена — это просто издевательство!

Денис Бердаков, бизнесмен, занимающийся исследованием развития интернета в Кыргызстане, также поддерживает мнение, что цена на домены ".kg" завышена.

— Пятьдесят долларов за национальный домен — это, конечно, дорого. Компания "Азияинфо" в свое время выиграла конкурс у ICANN (интернет-корпорация по присвоению доменных имен) и получила законное право на монопольную про-

дажу доменов зоне KG. Рынок Кирнета, к сожалению, развит слабо, многие предпочитают регистрироваться на зарубежных доменах. Только крупным компаниям, которые занимаются серьезными интернет-проектами, не жалко платить 50 долларов в год.

Символ Кыргызстана?

Михаил Агеев работает программистом, создает веб-сайты, в частности, самый популярный интернет-магазин модной одежды в Кыргызстане. Но сейчас в одном из кафе Бишкека эмоционально жестикулируя, Михаил объясняет нам, почему в последние годы он принципиально не покупает национальный домен.

– Креативная молодежь не хочет этого делать в основном из-за цены. Ценообразованием целиком занимается компания-монополист “АзияИнфо”, причем они не раскрывают систему подсчета, как образуется стоимость домена. Формально в Кыргызстане цену определяет Антимонопольный комитет, но фактически они просто соглашаются с ценой, которую озвучит “АзияИнфо”, – говорит Михаил Агеев.

В результате, по его мнению, кыргызстанцы активно посещают только национальные сайты, которые распространяют пиратский контент – музыку или фильмы. Другие сайты зоны KG не пользуются популярностью.

Для Кыргызстана словечко “кейджи” стало своего рода символом наряду с войлоком, юртой или комузом. Возможно, 50 долларов для символа – это не слишком дорого? Тогда почему в других странах цены на национальные домены намного ниже?

Михаил Агеев показывает нам таблицу с данными на конец января 2012 года, которую составил сам.

Как видно, Кыргызстан – единственная страна из десятки, имеющая одного регистратора, и вторая по дороговизне для желающих открыть свой сайт. Кыргызстан в этом уступает лишь Украине, однако там много доменов второго и третьего уровня. Например “gorod.kyiv.ua”.

– На Украине большую популярность имеют домены третьего уровня по цене \$10, на них приходится почти половина всего рынка в стране. Но для нас такой пример не подойдет, здесь привыкли писать сразу “.kg” – без всяких добавлений, – считает Агеев.

Из чего же складывается такая цена? За ответом идем в компанию “АзияИнфо”, которая в 1995

году получила эксклюзивную лицензию на регистрацию национальных доменов Кыргызстана.

Неразговорчивый монополист

Приходим в офис компании. Работа тут течет неспешно. Руководство тоже не торопится с нами разговаривать. Сотрудник Никита просит нас составить официальный запрос: “Мы хотим, чтобы все было официально”. На момент сдачи статьи официальный ответ от “АзияИнфо” о принципах ценообразования на домены мы так и не получили.

Шлагбаум

Для наглядности давайте представим себе картину, что компания “АзияИнфо” (далее “АИ”) в 1995 году перекрыла дорогу в Боомском ущелье (единственно возможный путь из Чуйской в Иссык-Кульскую область) и поставила там шлагбаум. Построила единственную дорогу из Чуйской области на восток и с тех пор взимает за проезд по ней определенную плату.

В свою очередь правительство Кыргызстана решило это сделать, так как “АИ” оказались первыми. Если сейчас кто-нибудь другой построит еще одну дорогу до ущелья, то трасса все равно упрется в шлагбаум, и возможности самостоятельно попасть в Иссык-Кульскую область не будет.

При этом единственный владелец этого шлагбаума ни с кем не разговаривает и считает, что только он вправе распоряжаться дорогой, устанавливая свою оплату за проезд и получая с этого хорошие деньги.

Результат: сегодня в Кыргызстане зарегистрировано меньше всего национальных доменов в центральноазиатском регионе – по приблизительным и сильно расходящимся оценкам – от 2,5 до 6 тысяч доменных имен.

Инициатива Улана Мелисбека

Улан Мелисбек возглавлял Государственную службу интеллектуальной собственности “Кыргызпатент” с 2008 до 2010 года и добился снижения цены на национальные домены со 100 до 50 долларов. Мелисбек утверждает, что вынужден был покинуть Кыргызстан “по политическим мотивам” и теперь живет в США. Мы связались с ним по Skype и благодаря веб-камерам поговорили, что называется, лицом к лицу. Он до сих пор считает, что имена сайтов зоны KG должны находиться под защитой государства, а продавать их могут любые компании, соответствующие опре-

деленным критериям. Мелисбек воспринимает доменную зону KG как общественное достояние, которое не может находиться в одних руках.

– Почему за рубежом цены на национальные домены относительно низкие?

– За счет конкуренции, благодаря ей стоимость регистрации доменного имени идет вниз. В западных странах компании зарабатывают не на продаже доменов, а за счет дополнительных услуг. У нас же даже не хотят создавать инфраструктуру для развития Кирнета. Цена доменного имени должна складываться из реальных расходов, а это смешные цифры. Россия, когда запускала зону *“.рф”*, сначала дала возможность своим компаниям зарегистрировать товарные знаки и только потом запустила всех. В Кыргызстане при появлении конкуренции цена на домен запросто могла бы снизиться еще вдвое.

Экс-руководитель “Кыргызпатента” рассказал, что ему удалось добиться передачи функций регистратора доменов от “АзияИнфо” его ведомству.

– Курманбек Бакиев, тогдашний президент, подписал указ, согласно которому полномочия по администрированию национальных доменов перешли “Кыргызпатенту”, однако де-факто ничего не изменилось, и после “государственного переворота” в апреле 2010 года мою инициативу остановили.

Нынешний зампреда “Кыргызпатента” Зина Исабаева сообщила нам, что президентский указ был аннулирован, а интернет-домен не является интеллектуальной собственностью.

– Больше я ничего вам не могу сказать об этой инициативе Мелисбека, ничего больше не знаю, обращайтесь в “АзияИнфо”. В нашем ведомстве никто больше не занимается интернет-доменами.

Здоровая конкуренция?

Александр Дудин директор “Элката” одного из крупнейших интернет-провайдеров в стране, заявил, что домены зоны KG не пользуются особой популярностью у пользователей, поэтому их компания не бьется за право регистратора.

– Мы в свое время говорили, что администратор должен быть один, а регистраторов – несколько. Если у “АзияИнфо” есть средства администрирования, то пусть. У нас есть свои домены третьего уровня. Помню, мы и “АИ” подавали заявку на администрирование в зоне *“.kg”*, но наша заявка

по техническим причинам задержалась, и ICANN дал отдал право им, – объясняет Дудин.

Директор другого крупного интернет-провайдера “Мегалайн” Эдуард Джансериков:

– Будет лучше, если вместо одной монополии будет несколько компаний-конкурентов, сейчас цены на домены завышены, реальная цена гораздо ниже, примерно в два раза.

Программист и блоггер Михаил Агеев:

– Два года назад, когда на эту тему в сети была большая дискуссия, я предлагал оставить “АзияИнфо” права администратора доменов, компания установила бы определенный регламент и получала бы за это плату, например, 5 долларов за домен. А другим заинтересованным компаниям дать право продавать домены. В результате цена бы резко упала, это уменьшило бы доход “АИ”, но компания все равно осталась бы в плюсе, – предложил свой вариант программист.

Проверим только после жалобы

В Антимонопольном комитете при правительстве Кыргызстана нам сообщили, что “АзияИнфо” является естественным монополистом и никаких подозрений существующий регистратор не вызывает. Назима Алыкулова, заведующая отделом контроля рекламы и защиты прав потребителей объясняет, что без жалобы их ведомство не может проверить компанию “АзияИнфо”.

– Мы можем принять меры, если выяснится, что цену на *“.kg”* домен “АзияИнфо” искусственно завышает. Для начала нужно кому-нибудь, кто пострадал от действий “АИ”, написать жалобу, это может быть любой человек. И если ему удастся уверить сотрудников ведомства, что действительно он не может оплатить 50 долларов за домен и не может обратиться в другую компанию за такой же услугой, то мы проведем проверку компании. На вопрос, пытался ли он подать жалобу на “АзияИнфо”, Михаил Агеев, который активно борется за доступный KG, скептически ответил: “Нет, я знаю, что это бесполезно”.

Кто знает? Когда-то считалось бесполезным доказывать, что Земля вертится вокруг Солнца. А не наоборот. Теперь это – очевидный факт.

Авторы выпуска:

Казахстан

Екатерина Никонович

Зауре Медерханова

Узбекистан

Богдана Опарина

Кыргызстан

Евгений Погребняк

Илья Каримджанов

Алена Хван

Гулиза Суванова

Таджикистан

Сурайе Хонова

Латофат Мирзоева

Александра Каримова

Абдухафиз Марупов

Озодмухаммад Сидиков

Гульджахон Хамройзода

Редактор:

Елена Упорова

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКАЯ ШКОЛА СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Это 10-недельная летняя программа, которая ориентирована на молодых профессионалов, чтобы помочь им сократить разрыв между университетским образованием и потребностями рынка СМИ, дать им целостную картину профессии журналиста, объяснить как взаимодействуют различные средства массовой информации.

Направлений у Школы несколько. Неизменным центральным компонентом программы является описание и анализ этнических конфликтов в печатных СМИ. Помимо этого, курс ежегодно дополняется различными модулями, которые охватывают все виды СМИ – печатные, радио, телевидение и Интернет.

Центральноазиатская Летняя школа журналистики проводится совместно Академией ОБСЕ при финансовой поддержке правительства Финляндии и Deutsche Welle Akademie.

АКАДЕМИЯ ОБСЕ

Кыргызская Республика,
720044 Бишкек,
Ботанический переулок 1А
Тел.: +996-312-541200
Fax: +996-312-542313
E-mail: info@osce-academy.net
www.osce-academy.net

Журнал издается в рамках Центральноазиатской школы современной журналистики, организованной Академией ОБСЕ в Бишкеке и DW Akademie при финансовой поддержке правительства Финляндии.

Редактор: Елена Улорова

Координатор проекта: Светлана Дзарданова

Репортеры:

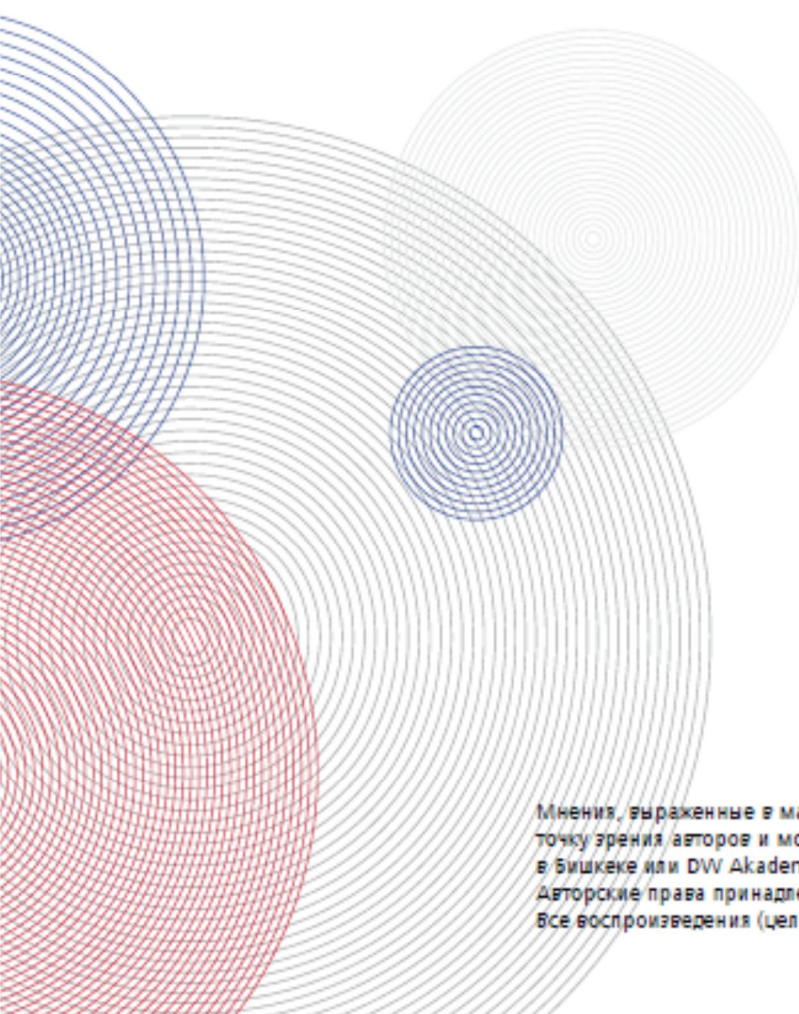
Илья Каримджанов
Александра Каримова
Абдухафез Марупов
Зауре Медерханова
Латофат Мирзоева
Екатерина Никонович
Богдана Опарина
Евгений Погребняк
Мухаммадзод Сидиков
Гулиза Суванова
Гульджахон Хамройбойзода
Алена Хван
Сурайе Хонова

Обложка: фотография предоставлена www.graffiti.com.kg

Дизайн: Наталья Андрианова

Типография: Print House

Тираж: 300 экземпляров

Мнения, выраженные в материалах данной публикации, отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с мнением Академии ОБСЕ в Бишкеке или DW Akademie.
Авторские права принадлежат авторам публикаций.
Все воспроизведения (целиком или частично) только с их разрешения.